

A romantic couple is featured in a desert setting at dusk. The man, on the left, has dark, curly hair and a beard, wearing a grey t-shirt. The woman, on the right, has long, wavy brown hair and is wearing a white t-shirt. They are looking at each other with soft expressions. The background shows a wooden signpost and a desert landscape under a clear sky.

ЛОВИ МЕНЯ
НЕЖНО

Эль Спаркс

Эль Спаркс

Лови меня нежно

<https://litres.ru/74394618>

Аннотация

##Джек Портер - безжалостный охотник за головами. Не задает вопросов, ему чужда жалость. Он молча выполняет поставленную задачу. В этот раз его работой становится юная Сабрина Ричардс, студентка выпускного курса журфака в престижном университете. В награду за нее предлагают баснословную сумму в сто тысяч долларов - такие деньги не платят даже за отъявленных убийц и рецидивистов. Заинтригованный, Джек берется за дело, но даже не подозревает, чем ему это грозит.

В книге вас ждет:

вражда перерастающая в любовь

дерзкий герой

героиня с характером

ссоры и жаркие поцелуи

погоны, перестрелки и плохие парни, которым в конце надерут задницы

наркотики упоминаются, но их никто не принимает! (если вдруг это важно)

Содержание

Глава 1. Без вопросов	4
Глава 2. Беглянка	20
Визуализация	46
Глава 3. Зверёк в силках	55
Глава 4. Бэмби	62
Глава 5. По рукам	71
Глава 6. Бойфренд	81
Глава 7. Правила этикета	98
Глава 8. Ночь №1	109
Глава 9. Похищенная	124
Глава 10. Трещины	136
Глава 11. Трукрайм	144
Глава 12. Тишина	154
Глава 13. Надежда	165
Глава 14. Хорошая попытка	185
Конец ознакомительного фрагмента.	187

Глава 1. Без вопросов

Глава 1

Без вопросов

Джеск Портер

Нью-Йорк здесь не кричит и не сверкает огнями. Он гниёт тихо в узких переулках, куда не заглядывают туристы и где даже полицейские стараются не задерживаться. Воздух липкий, пропитанный запахом мусора, старой мочи и мокрого бетона. Кирпичные стены по обе стороны облезлые и испианные тегами. Пожарные лестницы ржавеют, свисая над головой, готовые в любой момент сорваться и похоронить под собой неудачника.

Я иду медленно, не торопясь. Спешка в моём деле может выйти боком. Шаг за шагом, почти бесшумно. Прижимаюсь к стене, прячась в тени.

Где-то впереди капает вода и шелестят пластиковые пакеты, заглушая и так едва различимый голос.

Он высокий, нервный, срывающийся на каждом слове. Такой бывает у людей, которые уже знают – ничего хорошего их не ждёт. Он идёт впереди, шагах в двадцати, и явно считает себя в безопасности. Ошибка номер один.

Я останавливаюсь.

– Чувак, ты должен вытащить меня отсюда, – шипит он в

телефон.

Пауза. Я слышу, как он втягивает воздух.

– Нет... ты не понимаешь. У меня на хвосте Портер.

Я усмехаюсь, не издавая ни звука. Репутация – удобная штука. Иногда она работает быстрее тебя.

– Джек Портер.

Он нервно смеётся.

Я делаю шаг вперёд. Под ногой хрустит стекло.

Он оборачивается слишком резко. Наши взгляды встречаются, и я вижу момент, когда он понимает, что для него это конец. Сигарета выпадает из его пальцев прямо в грязную лужу. Телефон летит следом и продолжает пищать на асфальте.

– Ну здравствуй, приятель, – говорю я с фальшивым дружелюбием.

– Портер... – выдыхает он, разворачивается и пытается бежать.

Без лишних мыслей и эмоций срываюсь следом, сосредотачиваясь только на нём.

Переулок выплёвывает нас на узкую улицу, где, потрескивая, мигают фонари. В лужах на мокром асфальте отражаются рваные куски неона. Парень оборачивается на бегу, спотыкается, но удерживается на ногах. Дыхание у него сбивается. Он сворачивает в тёмную, узкую подворотню, пропахшую сырыми ящиками и старым картоном. Плохой выбор. Я ускоряюсь, слышу, как его шаги становятся тяжёлыми, как

в лёгких у него свистит воздух. Паника всегда делает людей громкими.

– Чёрт! – вырывается у него, когда он задевает плечом стену и вылетает во двор между домами – бетонный колодец без выхода. Он останавливается, оборачивается, мечется взглядом, будто надеется, что выход появится сам.

Не появляется.

Я замедляюсь. Иду без спешки, давая ему прочувствовать каждую секунду до того, как наручники защелкнутся на его запястьях.

– Игра окончена, – говорю я спокойно.

Он тяжело дышит, сползает спиной по холодной стене, ладонями упираясь в кирпич. Глаза бегают, рот открыт.

– Я... я не собирался... – начинает он, но голос ломается.

Пропускаю мимо ушей его жалкую попытку оправдаться. Как и всегда – они все говорят одно и то же. «Я не виновен». «Меня подставили». И тому подобную лабуду.

Одним движением хватаю его за куртку, разворачиваю лицом к стене. Он дёргается, но силы у него уже нет. Щёлк – первый браслет. Щёлк – второй. Звук наручников в тишине двора звучит почти торжественно.

Он замирает.

Я отступаю на шаг, проверяю, чтобы он точно не выбрался.

– Джек Портер... – выдыхает он куда-то в кирпич. – Ты же бывший коп... Ты знаешь их...

– Не трать силы напрасно, приятель, – отвечаю я и достаю телефон.

Дело сделано.

Кабинет Виктора Ламберта выглядит именно так, как, наверное, и должен выглядеть кабинет большого полицейского начальника. В воздухе пахнет пережаренным кофе, сладкими пончиками и властью, которая слишком долго не меняла хозяина. Вдоль стены тянутся стеллажи, забитые папками. Напротив целый музей достижений: почётные грамоты, фотографии с награждений и газетные статьи под стеклом, а между ними на полке гордо поблёскивает кубок. Видимо, чтобы никто случайно не забыл, какой перед ним выдающийся служитель закона.

Сквозь полуприкрытые жалюзи на массивный дубовый стол ложатся полосы утреннего света.

За этим столом сидит сам Виктор Ламберт.

Заместитель начальника полиции штата по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Человек, через которого проходят крупнейшие операции против картелей, межведомственные расследования и решения, от которых зависят десятки человеческих судеб.

Он не смотрит на меня. Спокойно пересчитывает деньги, выкладывая купюры ровной стопкой.

Крупный. Широкоплечий. С коротко остриженными се-

дыми волосами и тяжёлым лицом, напоминающим старого бульдога. С тех пор, как я работал под его началом в Бронксе, не изменилось почти ничего. Разве что кабинет стал больше, и звёзд на погонах прибавилось.

– Блестящая работа, Портер, – произносит он, не отрывая взгляда от денег. – Как всегда.

Будто могло быть иначе.

Я лишь криво усмехаюсь.

Похвала давно не цепляет.

Закончив пересчёт, Ламберт выравнивает стопку купюр, несколько раз стучит ею о столешницу и подвигает ко мне.

– Ты никогда не подводишь, – говорит, изучающе глядя мне в глаза, словно пытается прочесть мысли.

Я молча убираю деньги во внутренний карман куртки, не проверяя. Если Ламберт говорит сумму, значит, там именно столько. Может он и мудака, но ещё никогда не обманывал.

– Скажи, Джек... – Он откидывается в кресле и сцепляет пальцы на животе. На лице появляется заботливая улыбка, которой, впрочем, доверять опасно. – Как долго ты ещё собираешься делать вид, что занимаешься *своим* делом?

Я вопросительно изгибаю бровь.

– Бегать от своего призвания, – уточняет он. – Ты же прирождённая ищейка, Портер. Такие, как ты, сейчас на вес золота в полиции.

Я коротко усмехаюсь.

– Эта работа больше не для меня.

Ламберт задумчиво хмыкает. Он слышит это не впервые, но почему-то каждый раз упорно предлагает вернуться. Хотя...

Когда-то я действительно говорил совсем по-другому.

Когда-то я искренне верил в значок, который носил на груди. Верил, что закон работает, если за него готовы бороться. Что академия выпускает не просто полицейских, а тех, кто действительно может изменить мир.

Забавно.

В двадцать два мне казалось, что всё предельно просто: есть хорошие парни, есть плохие, а между ними стоим мы, копы.

Жизнь довольно быстро объяснила, насколько это наивно.

Теперь знаю: значок сам по себе ничего не значит. Даже больше – за значками часто прячутся те еще отморозки.

Я молча сижу напротив и жду, когда он перестанет смотреть на меня, ища того Джека Портера, который исчез четыре года назад.

– Я серьёзно, Джек, – наконец говорит Ламберт. – Ты мог бы сделать для этого города очень много.

Конечно.

Опять.

Я медленно выдыхаю через нос.

Каждый наш разговор заканчивается одинаково. У него в голове заела одна и та же пластинка? Он убеждает меня вернуться. Я отказываюсь. Через пару недель всё повторяется

снова.

Перевожу взгляд на край его стола со стопкой папок рядом с американским флагом, лишь бы не смотреть на него.

Потому что этот его полный надежды взгляд...

Чёрт возьми, этот взгляд меня раздражает.

Словно он до сих пор уверен, что однажды я передумаю.

– Я могу идти? – спрашиваю бесстрастно.

Мне надоело, что он раз за разом пытается затолкать меня обратно в жизнь, из которой я однажды выбрался. И ещё больше надоело, что он искренне считает это заботой.

Ламберт молчит. Несколько секунд сверлит меня взглядом и наконец усмехается.

– Ладно, ладно. Понял.

Обычно после этого разговор заканчивается, и я подаюсь вперёд, упираюсь ладонями в подлокотники, собираясь подняться.

– Но раз уж ты здесь... Есть дело...

– Если это очередная попытка вернуть меня в участок, можете не тратить время, – говорю я.

Ламберт усмехается.

– Нет, Портер. Это как раз по твоей части.

Я молча смотрю на него.

– Есть одна работёнка. Нужно найти одного человека. – Он делает короткую паузу, нарочно подогревая интерес. – Очень опасного человека.

Я ничего не отвечаю. Он знает, что я терпеть не могу по-

добные театральные паузы.

– Сбежала прямо из патрульной машины. Едва не пристрелила сопровождавшего её офицера.

Я непроизвольно приподнимаю бровь.

– Сбежала? – переспрашиваю, специально выделяя последний слог. – Девчонка?

Ламберт снова усмехается.

– Чертовски изворотливая девчонка.

Вот теперь он действительно сумел меня заинтересовать.

За годы службы мне редко приходилось охотиться на женщин. Обычно они становились свидетелями, жертвами или случайными участницами чужих разборок. Если женщина попадала в ориентировку как главная цель, значит, за этой историей скрывалось что-то по-настоящему необычное.

Я откидываюсь на спинку кресла и кладу руки обратно на подлокотники.

– Продолжайте.

Ламберт тянется к папке, лежащей на краю стола.

– Сабрина Ричардс. Двадцать три года. Хорошая семья. Отличное образование. И, как это обычно бывает, в какой-то момент свернула не туда.

Ламберт раскрывает папку и протягивает мне фотографию.

Беру её и на несколько секунд забываю, где нахожусь. Девушка на снимке совершенно не похожа на человека, которого только что описал Ламберт. Большие тёмные глаза

смотрят прямо в объектив. Не вызывающе. Скорее настороженно. В них нет ни наглости, ни привычной злости, которую я столько раз видел у негодяев. Аккуратный нос. Чуть приоткрытые губы. Густые волосы кое-как собраны назад, несколько непослушных прядей падают на лицо. Худенькая. Я бы даже сказал, хрупкая. Выглядит так, словно фотограф попросил её смотреть в камеру, а она не понимает, где находится.

Я машинально перевожу взгляд на подпись под фотографией:

«Ричардс Сабрина Э., 23 года. Обвиняется: хранение наркотиков в особо крупном размере, нападение на офицера полиции, побег из-под стражи. Последнее известное местонахождение – Уамсаттер, Вайоминг».

Ламберт внимательно наблюдает за мной.

– Не обманывайся её внешностью, Портер, – предупреждает он. – Она совсем не та, кем кажется на первый взгляд.

Я опускаю взгляд на фотографию. Девушка на снимке действительно совсем не похожа на человека, который стреляет в копов и исчезает без следа.

– Что она сделала? – спрашиваю, сам не понимая, зачем. Обычно меня это не интересует. Моё дело – ловить.

– Уже любопытно?

– Я спросил, что она сделала.

Он открывает папку, достаёт несколько фотографий и верёром раскладывает их по столу.

Разбитый патрульный автомобиль с распахнутыми дверями.

Молодой офицер с перевязанным плечом, сидящий на каталке у машины скорой помощи.

Асфальт, усыпанный стреляными гильзами.

– Достаточно? Она едва не убила полицейского при задержании. Сбежала. До этого несколько месяцев водила за нос оперативников, изображая беззащитную овечку.

Он слегка постукивает пальцем по фотографии девчонки.

– Не позволяй этим глазам себя обмануть.

– Думаете, я настолько впечатлительный?

– Ты? Нет, – усмехается Ламберт. – Ты не из тех, кто теряет голову из-за красивых глаз. А вот мои люди потеряли. Знаешь, сколько человек решили, что она просто напуганная девчонка? Слишком много. И каждый потом жалел. За этой милой мордашкой скрывается настоящий монстр. Она быстро учится, просчитывает людей и прекрасно понимает, какое впечатление производит.

Всё равно что-то не даёт покоя. Факты говорят против Сабрины Ричардс. Но мой опыт упрямо твердит обратное. За годы работы я научился доверять чутью, и сейчас оно настойчиво подсказывает: в этой истории что-то не чисто, не лезь.

Я возвращаю фотографию Ламберту.

– Боюсь, ничем не смогу помочь.

– Понимаю, – тянет Ламберт, кивая. – Симпатичная. Но

я не ожидал, что именно ты спасуешь перед красивым личиком.

Он не спешит забирать снимок. Вместо этого откидывается в кресле и несколько секунд молча изучает меня.

– Забавная девчонка, знаешь... За неделю ушла от трёх групп захвата. Не от каких-то салаг-патрульных, а от людей, которые этим на жизнь зарабатывают! – Он машет головой. – Один раз исчезла прямо у них из-под носа. Говорят, переделалась в старушку. Во второй заставила группу прочёсывать пустой склад, пока сама спокойно вышла через главный вход. В третий... – усмехается. – В третий вообще оставила оперативников без машины. Честно говоря, начинаю думать, что она неуловима.

Я невольно усмехаюсь.

– Впечатляет.

– Я так и думал, что оценишь. Но нет так нет. Не буду настаивать.

Вот ведь старый лис. Прекрасно знает, куда давить.

Деньги давно перестали быть для меня главным, а вот цель... Добыча, которая раз за разом оставляет с носом профессионалов... Такая будит во мне охотника.

Я ещё раз смотрю на фотографию.

Маленькая. Хрупкая. Безобидная. И совершенно не похожая на ту, кто способен устроить такой бардак.

Это раздражает и одновременно цепляет.

– Сколько? – спрашиваю я.

Губы Ламберта растягиваются в широкой улыбке.

– Сто тысяч наличными.

Я никак не реагирую, хотя мысленно присвистываю.

Сто тысяч. За Стю Хамфри, который зарезал троих и сбегал из-под конвоя, предлагали втрое меньше. Значит, Сабрина Ричардс стоит очень дорого.

Вопрос только... почему?

Девчонка с глазами перепуганного оленя.

Картинка не складывается. Наверное, именно это меня и цепляет.

За годы работы я привык замечать мелочи. Большинство опасных людей рано или поздно выдают себя. Не взглядом, так позой. Не позой, так выражением лица. Всегда есть что-то, за что цепляется глаз.

А здесь... ничего.

– Последний раз её видели в Вайоминге, – продолжает Ламберт. – Потом будто сквозь землю провалилась.

Я молча киваю.

– Доставить в Нью-Йорк?

– Живой. И желательно в наручниках.

Я криво усмехаюсь.

Вот ведь зараза.

Я уже хочу понять, кто такая Сабрина Ричардс и как сумела поставить на уши половину департамента.

– Я в деле.

Какого хрена я вообще взялся за это дело?

Чувствовал же, что тухляк. Ламберт сидел в своём кабинете, рассказывал, какая она опасная и неуловимая – и я, как дурак, клюнул! А теперь сижу в этой забегаловке, пью дерьмовый кофе и смотрю на фото девчонки, которая даже не похожа на преступницу.

Обычная милашка с глазами оленя. Грёбанная студентка! Да она даже следы замести не смогла толком. Волосы не покрасила, чёрт возьми! Они всё такие же тёмные, блестящие и переливаются на солнце. Кто так прячется? Кто вообще не додумается покрасить чёртовы волосы?

Я вычислил её за полдня. Полдня, Карл! Да я дольше собирался в дорогу, чем анализировал её маршрут. Проверил мотели, заправки, камеры – и вот она, как на ладони. Ещё дня три догонял. Думал, конечно, выкинет что-то необычное, что-то эдакое, из-за чего я потеряю след.

Но нет. Она не выкинула.

Едет себя спокойно, толком не меняя маршрут. Она не думает – просто бежит. И если не заметит слежку, ничего и не предпримет. А она не заметит. Такие, как она, не замечают.

Я смотрю на её фото и думаю: за что сто тысяч, Сабрина Ричардс? За то, что ты красивая? Или за то, что ты глупая?

Хрень какая-то.

Я снова листаю её соцсети. «Колумбийский университет». Факультет журналистики. Учится хорошо, судя по всему.

Отличница. Я отхлёбываю дерьмовый кофе из дерьмового фарфорового стакана и смотрю на её фото – она поёт в караоке с подружками, глаза искрятся, кривляется как дурочка. На другом – посылает воздушный поцелуй на краю Гранд-Каньона. На третьем – спит в аудитории, и подпись:

«Профессор: «Сабрина, вы снова спите на моей лекции».

Я: «Я просто проверяю, насколько хорошо вы умеете удерживать внимание аудитории, мистер Смит». Спойлер: не очень, старый ты маразматик».

Обычная. Абсолютно обычная девчонка.

Может, трахалась не с тем, с кем следовало?

Но нет. Такая вряд ли связалась бы с подонком. Открываю сторис – она смеётся, рассказывает какую-то дурацкую историю о том, как к ней неуклюже подкатил парень в кафешке. Нет. Не стала бы она спать с кем попало. Знает себе цену. И если бы она была с кем-то из картеля – её бы уже взяли под защиту.

Но её не взяли.

А у меня в голове пазл никак не складывается.

Учится в «Колумбийском». Хочет стать журналисткой. Подрабатывает официанткой. Друзья её обожают. Никаких намёков на наркотики и странные знакомства. Да у неё же отец был копом!

Понимаю, всякое бывает. Милые девочки тоже иногда оказываются последними тварями. Но эта? Не похоже, что она вообще знает, что такое дурь. Сама точно не принимает.

Слишком уж чистенькая. На мелкого дилера не тянет. Если бы работала на картель, знала бы, как исчезать по-настоящему.

А эта...

Чёрт бы тебя побрал, Сабрина Ричардс!

Никак не идут из головы её натуральные тёмно-каштановые волосы. Она фильмы совсем не смотрит? Не понимает, что за ней охотятся?

Печёнкой чувствую: Ламберт втянул меня во что-то гораздо большее, чем обычная охота за беглянкой.

Соберись, Портер. Твоё дело простое: найти, защёлкнуть наручники на запястьях, доставить. Всё остальное тебя не касается.

Только почему-то не отпускает. Я рассчитывал на настоящую охоту. Думал, заставит меня попотеть, а получил это. Даже обидно.

Я перевожу взгляд на окно мотеля.

Мог бы войти прямо сейчас. Постучать, а когда откроет, просто защёлкнул бы браслеты на её запястьях. Она, скорее всего, даже не успеет понять, кто перед ней.

Слишком легко.

Настолько легко, что становится скучно.

Поэтому я продолжаю сидеть в паршивой кафешке и наблюдать. Хочу сначала посмотреть на неё без полицейской фотографии. Послушать, как говорит.

Понять, что за человек скрывается за этими оленьими гла-

зами.

Может, немного поиграть.

Глава 2. Беглянка

Глава 2

Беглянка

Сабрина Ричардс

Если ад существует, то он выглядит как дешёвый мотель на обочине шоссе.

Меня будит не солнечный свет, не пение птиц и даже не привычное лепетание соседок по комнате в кампусе универа. Я просыпаюсь от запаха. Он проникает в нос раньше, чем я успеваю открыть глаза. Что-то среднее между хлоркой, сыростью и очень самоуверенным обещанием – номер полностью продезинфицирован. Судя по аромату, убрались здесь примерно во времена моей прабабушки.

Я морщу нос. Организм ещё не проснулся, а уже требует немедленной эвакуации. Осторожно открываю глаза.

Нет. Просто нет!

Потолок покрыт жёлтыми пятнами так, будто пережил несколько мировых войн и одну особенно тяжёлую грибковую инфекцию. Некогда цветастые шторы не смогли выстоять в нефтяном кризисе, а ковёр... Я даже не хочу знать, что именно оставило на нём эти подозрительные разводы. Некоторые тайны человечеству лучше не раскрывать. Напротив кровати висит треснувшее зеркало. Моё отражение распада-

ется на несколько кривых кусочков и напоминает портрет, вышедший из-под кисти особенно депрессивного художника.

Господи.

Я слишком шикарна для этого места.

Нет, серьёзно. Я слишком чистая!

И речь сейчас вообще не о душе.

Мне кажется, если я сниму носки, то подхвачу новую форму жизни.

Господи Иисусе...

Осторожно сажусь на край кровати и тут же начинаю думать о том, о чём нормальные люди думать не должны.

Кто спал здесь до меня?

Сколько их было?

И главное... сколько из них ушли отсюда живыми?

Простыня подозрительно липнет к коже.

Фу.

Я мгновенно отдёргиваю руку, будто прикоснулась к чему-то радиоактивному.

– Великолечно, Ричардс, – бормочу себе под нос. – Пятизвёздочный люкс. Просто забыли добавить звёзды. И люкс. И уборку.

Осторожно спускаю ноги на пол. Это была вторая ошибка. Первая – вообще сюда заселиться. Я тут же встаю на цыпочки и начинаю передвигаться по комнате как по минному полю. Мне действительно страшно! Боюсь, что ковёр в любой

момент может попытаться укусить меня за пятку.

До ванной добираюсь почти без потерь.

А в ней ещё веселее.

Раковина треснула пополам. Полотенце когда-то, очень-очень давно действительно было белым, а запах чистящего средства настолько мощный, что возникает логичный вопрос: если здесь столько химии, почему вокруг всё ещё так грязно?

Я тяжело вздыхаю, смотрю на своё отражение и пытаюсь включить воображение.

Спокойно, Ричардс. Это не дешёвый мотель. Это... Это «Плаза»! Или «Четыре сезона». Или какой-нибудь роскошный отель в Беверли-Хиллз. Неважно, что ты ни разу там не была.

Стараясь лишний раз ни к чему не прикасаться, я кое-как привожу себя в порядок. Всё делаю видом участника соревнования «не дотронься до поверхности и останься в живых». Дышу через раз. Здесь желательно вообще не дышать.

Единственный плюс этой дыры в том, что искать меня здесь никому и в голову не придёт.

Хотя... Если я проведу здесь ещё пару дней, искать будет некого.

Очень хочется в туалет, но унитаз напоминает смертельную ловушку.

Тщательно протираю сиденье влажной салфеткой. Потом второй. Потом третьей. Потом понимаю, что доверия у меня

к нему всё ещё ровно ноль, и наматываю сверху едва ли не половину рулона туалетной бумаги. Отступаю на шаг. Осматриваю конструкцию.

Вроде безопасно.

Но стоит только представить, сколько людей сидело здесь до меня, как по спине пробегает холодок.

Господи...

Да я сейчас скорее лопну, чем добровольно заработаю какую-нибудь экзотическую заразу. Это не туалет. Это биологическое оружие массового поражения!

Возвращаюсь в комнату и с подозрением смотрю на единственный стул. Достая из сумки блузку и аккуратно расстилаю её на сиденье.

– Прости, – виновато шепчу ей. – Ты заслуживала подиума или как минимум хорошего ресторана. Но никак не этого.

Осторожно сажусь на самый край. Зеркало напротив безжалостно показывает правду: выгляжу я хуже некуда. Волосы растрепались. Под красными от бессонницы глазами залегли тени. Лицо бледное от усталости.

И всё же это пока ещё я.

Почему–то именно эта мысль приносит облегчение.

Провожу расчёской по волосам, собирая густые, некогда лоснящиеся волосы в длинный хвост на макушке. Получается криво. Непослушные прядки выбиваются.

Ну и прекрасно.

Сейчас идеальная укладка вызвала бы куда больше вопро-

сов, чем этот художественный беспорядок.

Из сумки достаю флакон термальной воды.

Бедная моя кожа... Она привыкла к сывороткам, кремам, маскам и заботе, а получает мотель, стресс и сомнительную вентиляцию. Распыляю прохладную дымку на лицо и на несколько секунд закрываю глаза.

Хоть что-то человеческое.

Глубоко вдыхаю, хлопаю себя по щекам и смотрю отражению прямо в глаза.

– Соберись, Ричардс, – тихо говорю себе. – Ты не скрываешься от полиции. Ты просто... очень бюджетно путешествуешь.

Усмехаюсь.

Врать себе не получается.

Из косметички достаю аварийный набор для выживания: бальзам для губ, тушь и консилер. Стать красоткой даже не рассчитываю, а вот не выглядеть так, будто меня только что вырыли из могилы – миссия выполнима. Достаточно нескольких взмахов щёткой по ресницам, капли консилера под глаза и бальзама на губы.

Всё.

Удивительно, насколько легче становится дышать. Косметика всё-таки величайшее изобретение человечества. После кофе. Хотя нет... в моём нынешнем положении, пожалуй, даже лучше кофе.

Стягиваю вчерашнюю футболку и надеваю самую чистую

из тех, что ещё остались в сумке. Спортивки, в которых спала, меняю на джинсы автоматически проверяю карманы. Телефон, деньги, ключи – всё на месте.

Закидываю сумку на плечо и поправляю ремень так, чтобы в случае чего можно было одним движением сбросить её и бежать.

Странно, как быстро привыкаешь думать о таких вещах. Две недели назад я выбирала сумку под туфли и не думала, насколько быстро смогу избавиться от неё во время погони.

Перед тем как выйти, осторожно отодвигаю штору двумя пальцами. Второй рукой зажимаю нос, спасаясь от въевшейся в ткань сигаретной вони. Парковка перед мотелем производит впечатление места, о котором давно забыли. Асфальт растрескался, между трещинами пробивается жухлая трава, чёрные масляные пятна впитались в покрытие так глубоко, что стали его частью. От белой разметки остались лишь редкие облезлые полосы, поэтому машины разбросаны без всякого порядка. Несколько ржавых пикапов, два выцветших седана с облупившейся краской и... один слишком чистый внедорожник, припаркованный почти вплотную к моей «Хонде».

Я хмурюсь. Сердце вдруг пропускает удар. Вдоль позвоночника медленно ползёт холодок.

Странно.

Объяснить это чувство я не могу – машина как машина.

Таких на дорогах тысячи, но взгляд снова и снова возвращается именно к ней.

Ещё некоторое время напряжённо всматриваюсь в парковку, пытаюсь понять, что именно меня насторожило, и не понимаю. Всё выглядит совершенно нормально. Даже слишком.

Сглотнув, заставляю себя выйти из номера. Тихо закрываю дверь и нарочно стараюсь идти медленно, изображая человека, который просто решает, где бы позавтракать. Сколько взглядом по парковке, незаметно осматриваюсь.

Пусто.

Только ветер гоняет по потрескавшемуся асфальту старые чеки, пластиковый пакет и сухие листья пальм.

Я почти дошла до двери кафе, когда оказываюсь рядом с этим чёрным внедорожником. И снова тот же холодок. Инстинкт орёт голосом отца: он чересчур выделяется на фоне всего этого упадка. Слишком чистый. Как инопланетный корабль, случайно приземлившийся посреди помойки.

«Шевроле Тахо».

Я узнаю его с первого взгляда. Такие любят копы. И люди, которые хотят выглядеть как копы. У моего отца была точно такая же. Я помню, как сидела на пассажирском сиденье, болтая ногами, пока он говорил по рации. «Шевроле» всегда значило для меня безопасность. До этого момента.

Стараюсь сохранять спокойствие. Прикусываю внутреннюю поверхность щеки – резкая боль отвлекает на секунду,

но сердце всё равно бешено колотится, отдаваясь в висках. Заставляю себя не смотреть, но глаза предательски скользят по затемнённым стёклам, пытаюсь разглядеть хоть что-нибудь, но видят только моё собственное испуганное отражение.

«Уйди отсюда. Прямо сейчас», – требует голос отца в голове, сливаясь с моим собственным.

Я ускоряю шаг. Дышу через раз, чувствуя, как адреналин разгоняет кровь. Не оборачиваюсь.

Пальцы наконец ложатся на холодную металлическую ручку двери кафе. Я дёргаю её на себя и только тогда понимаю, что всё это время почти не дышала.

Кафе оказывается логичным продолжением моего номера. Та же эстетика «мы старались, но недолго» – видимо, здесь это местный стиль. Запах застарелого масла встречает меня ещё на пороге. Пол подозрительно поблёскивает. Наверное, от многолетней дружбы с жиром. Под ноги лучше не смотреть слишком внимательно. Главное, чтобы столы соответствовали базовым санитарным нормам.

Ладно, Ричардс. Ты позавтракаешь и сразу уедешь. И больше никаких вишивых мотелей!

Я делаю глубокий вдох и пытаюсь убедить себя, что в этой жизни бывают вещи и похуже, но, когда понимаю, что даже запах еды меня не радует, мысленно хмыкаю.

Я хочу домой в свою мягкую постельку.

Оглядываюсь в поисках свободного столика и почти сра-

зу цепляюсь взглядом за мужчину у окна. Он сидит один, расслабленно откинувшись на спинку красного диванчика, и смотрит в телефон. На вид – тридцать, может, чуть больше. И... он здесь неуместен. Настолько, что я невольно смотрю на него ещё раз.

Тёмные, почти чёрные волосы уложены небрежно, смуглая кожа в лёгкой щетине, подчёркивающей жёсткую линию скул и упрямый подбородок. Одет просто. Серая хлопковая футболка обтягивает широкие плечи. Поношенные джинсы сидят как влитые. Ничего вычурного, но даже это на нём выглядит так, словно он только что сошёл с экран. Он кажется островком цивилизации в этом богом забытом месте. Если бы я увидела его за столиком кафе на Манхэттене – даже не удивилась бы. Среди людей, которые спешат, говорят по телефону и пьют латте на овсяном он бы вписался органично.

Но здесь?

Среди запаха пережаренного масла, обшарпанных стен и дальнобойщиков, доедающих яичницу, он выглядит чужеродным, как тот огромный внедорожник на парковке.

– Эй! Мисс!

Я вздрагиваю, едва не роняя сумку и поворачиваюсь на голос. Передо мной вырастает официантка лет пятидесяти с лишним. Полноватая, невысокая. Выцветшие светлые волосы кое–как собраны в пучок, который давно решил жить собственной жизнью и медленно сползает набок. Поверх бесформенной футболки натянут фартук неопределённого цве-

та. Когда-то он, наверное, был белым, но за долгие годы успел впитать столько кофе, кетчупа и чужих завтраков, что теперь напоминал летопись местной кухни. Она улыбается мне исключительно губами. Глаза остаются настороженными и внимательно оценивают с головы до ног.

– Садимся или как? – спрашивает она.

Я натягиваю самую вежливую улыбку из всех возможных.

– Сажусь, – киваю я.

Она хмыкает и указывает на свободный столик.

– Меню там. Кофе – сразу скажу — обычный.

– Отлично. Спасибо.

А мысленно добавляю: «Главное, чтобы не растворил ложку».

Она бросает на меня короткий взгляд и уходит.

Я медленно осматриваю зал.

Нет, спиной к двери я сегодня точно не сяду. Выбираю столик у стены, откуда видно весь зал. Если кто-нибудь войдёт, я замечу это раньше, чем он заметит меня. Ставлю сумку рядом, но ремешок на всякий случай не снимаю с плеча.

Опускаю взгляд на стол. Даже удивительно, но он выглядит... чистым!

Настолько чистым, насколько вообще способен выглядеть стол в придорожной забегаловке. После номера мотеля мои стандарты стремительно деградировали.

Морщась, перевожу взгляд на свои ладони. Выглядят чистыми, но ощущаются так, будто прикасались к чему-то за-

прещенному на уровне Женевской конвенции. Я просто не смогу есть, если буду думать, сколько микробов нахватала по пути!

Так, ладно. Сдаюсь!

Из сумки вынимаю влажные салфетки и антисептик, мои единственные союзники в этом богом забытом месте. Щедро обрабатываю руки. Для верности ещё раз. С показательной непринуждённостью прохожусь салфеткой по столу. Это совсем не странно, ведь любой нормальный человек не любит есть на поверхности, которая, вполне возможно, помнит ещё администрацию предыдущего президента.

Ещё бы быть этим нормальным человеком, а не чёртовой психичкой, которая панически боится крови и бактерий...

– Кхм.

Я вздрагиваю и застываю с салфеткой в руке, чувствуя себя нашкодившим ребёнком, которого застукали за чем-то неприличным. Официантка стоит в двух шагах, скрестив руки на груди. Её взгляд медленно переползает с моей руки на влажную поверхность стола, а потом поднимается к моему лицу. Она складывает губы в тонкую линию, и я вижу, как дёргается её глаз. Он будто говорит: «Ты здесь чужая, и мы это обе знаем». Кажется, я нанесла личное оскорбление этому заведению, и меня сейчас выставят.

– Заказывать будете? – спрашивает она тоном, которым обычно спрашивают: «*Вы в своем уме?*»

Я торопливо прячу салфетку обратно в сумку и натягиваю

самую миролюбивую улыбку из своего арсенала.

– Да, конечно.

Официантка молча ждёт.

– Мне, пожалуйста, кофе и... круассан.

Повисает такая длинная пауза, что я успеваю понять: снова сказала что-то не то.

– У нас нет круассанов, – произносит она так, будто я попросила лобстера.

– Хорошо... Тогда меренговый рулет?

– Милая, – вздыхает она, окидывая меня снисходительным взглядом. – У нас есть булочки. Обычные.

– Тогда булочку, – послушно исправляюсь. – И чёрный кофе.

Официантка что-то чиркает в своём блокноте и разворачивается, закатывая глаза так выразительно, что я почти слышу, как они делают полный оборот. Мне становится одновременно и стыдно, и обидно.

Я провожаю её глазами, и вдруг слышу тихую, сдержанную усмешку. Откуда-то сбоку – со стороны окна.

Сначала нерешительно замираю, но всё-таки смотрю туда. Конечно. Это он – шикарный незнакомец. Уткнулся в экран своего телефона и так же расслабленно, как и минуту назад, пьёт дурацкий кофе, делая вид, что я для него – всего лишь предмет интерьера. Но кожей чувствую: он знает, что я на него смотрю, и ждёт продолжения того шоу, которое я тут устроила. Жар заливает щёки.

Не краснеть, только не краснеть, Ричардс!

Я отвожу взгляд и пытаюсь сосредоточиться на своём заказе, на каждой клеточкой ощущаю его внимание. Его невозможно не замечать – слишком уж хорош собой.

Украдкой бросаю взгляд в его сторону. Всего на мгновение, и этого хватает, чтобы рассмотреть его чёткий профиль: высокий лоб, прямой нос, губы с едва заметной улыбкой. Опасно притягательный и чертовски симпатичный. Мне приходится сделать над собой усилие, чтобы не глазеть. Начинаю с преувеличенным интересом изучать трещину в кафельной плитке у своих ног. Лучше уж её, чем пялиться на незнакомца.

Не смей таращиться на него, Ричардс.

Но сколько бы я ни убеждала себя перестать обращать на него внимание, ощущение его присутствия никуда не исчезает. Официантка возвращается так быстро, что я не успеваю окончательно убедить себя забыть о мужчине у окна.

– Ваш заказ.

Она ставит передо мной тарелку с булочкой и чашку кофе с таким видом, будто делает мне одолжение.

– Спасибо, – говорю как можно искреннее.

Она только коротко кивает и уходит.

Всё ещё чувствую себя немного виноватой. Может, не стоило устраивать здесь санитарную инспекцию с влажными салфетками? Но смотрю на булочку, и энтузиазма она не вызывает. На вид суховата, но желудок громко протесту-

ет, поэтому выбирать не приходится. С кофе всё ещё хуже. Осторожно наклоняюсь к чашке, вдыхаю аромат и сразу морщусь. Зёрна настолько пережаренные, что, кажется, они успели дважды сгореть.

– Надеюсь, она хотя бы не плюнула туда, – насмешливо говорит красавчик у окна, и от бархата в его голосе по спине бегут мурашки.

Оборачиваюсь, сбита с толку собственной реакцией, и тут же встречаюсь с ним взглядом. Глаза у него странные. Издалека казались почти чёрными, а теперь в них проступила зелень. И улыбается он так, что пульс сбивается с ритма.

– Умеее вы поддержать, – говорю, пряча улыбку.

– Стараюсь, – ухмыляется он, пожимая плечами. – А она, – кивает в сторону официантки, – кажется, вас уже невзлюбила. Я бы на вашем месте был осторожнее.

– Спасибо за заботу, но всё–таки рискну.

Осторожно беру чашку и делаю крошечный глоток.

Какая гадость!

Горькая, пережжённая и разбавленная настолько, что кофе в ней не нашла бы даже молекулярная экспертиза. Я честно пытаюсь сохранить невозмутимое лицо, но не выходит. По тому, как незнакомец прячет улыбку за чашкой, понимаю: моё выражение лица только что всё за меня рассказало.

– Всё настолько плохо? – спрашивает он.

– Ещё хуже, – признаюсь я.

Он тихо смеётся.

– Тогда советую пить быстро. Или не пить вовсе.

Я киваю, отламываю кусочек булочки и осторожно пробую её. Суховатая и пресная, но я голодна, и в моих нынешних условиях выбирать не приходится. Он делает глоток кофе, не морщась. Это почему-то вызывает у меня уважение.

Между нами повисает осторожная пауза.

Я делаю вид, что занята булочкой, но время от времени ловлю боковым зрением его движение. Он по-прежнему сидит вполоборота, листает что-то в телефоне, делает ещё один глоток кофе. И всё же мне несколько раз кажется, что его взгляд ненадолго задерживается на мне.

– Вы здесь проездом? – спрашивает он наконец.

– Вроде того, – отвечаю как можно небрежнее. – А вы?

Он чуть наклоняет голову, изучая меня со спокойным любопытством.

– Можно сказать, тоже.

Конечно. Два человека, которым есть что скрывать, никогда не отвечают прямо.

Я снова опускаю взгляд на булочку, внезапно ставшую самым важным объектом во всей Вселенной. Отламываю ещё кусочек, хотя есть её не особенно хочется. Просто нужно чем-то занять руки и дать сердцу возможность вспомнить, что оно вообще-то должно работать в штатном режиме.

Этот незнакомец действует на меня как-то... неправильно.

– Получается, мы оба случайно застряли в этой дыре по-

среди ничего, – говорю я, нарушая молчание. – Забавно, как иногда люди встречаются именно там, где им точно не место.

Он чуть улыбается.

– Обычно случайностей не бывает.

Я всё–таки поднимаю голову.

Он уже развернулся ко мне вполоборота, свободно опираясь локтем о стол. Зелёные искорки в глазах почему–то становятся заметнее.

– Сейчас это прозвучало слегка угрожающе, – замечаю я.

– Простите, – криво улыбается он. – Профессиональная привычка.

– Звучит интригующе.

– Хм... скорее скучно.

Вот теперь мне действительно становится любопытно.

– И чем же вы занимаетесь? – спрашиваю я, отламывая ещё кусочек булочки.

Он замолкает ровно на столько, чтобы я могла заметить паузу.

– Я ищу людей, – с напускной загадочностью говорит он и смотрит прямо мне в глаза.

На секунду мне становится не по себе. Слишком уж спокойно он это сказал.

– И часто находите? – спрашиваю я.

Он делает неторопливый глоток кофе.

– Обычно да. Особенно когда человек уверен, что уже оторвался.

Я тихо смеюсь.

Всё–таки фантазёр.

Если бы он действительно занимался чем–то подобным, не рассказывал бы об этом первой встречной в придорожной забегаловке. Последний остаток напряжения незаметно растворяется. Я удобнее устраиваюсь на стуле и наконец перестаю следить за каждым своим словом.

– Значит, мне повезло, – улыбаюсь я. – Я совершенно неинтересный человек.

Его взгляд задерживается на мне, и вдруг хочется поправить волосы или убедиться, что тушь не размазалась. Но я заставляю себя сидеть неподвижно.

– Не соглашусь.

Я вопросительно приподнимаю бровь.

Он едва заметно улыбается.

– Вы слишком красивы, чтобы быть неинтересной.

Он произносит это так буднично, будто сообщает прогноз погоды, а у меня от его похвалы щёки начинают предательски теплеть.

– Сильный аргумент, – бормочу я, пряча улыбку. – Даже не знаю, что на это ответить.

– К чему ложная скромность? – невозмутимо отвечает он. Чёрт.

Он меня смущает.

Это странно. Мужчины и раньше говорили комплименты. Иногда из вежливости, иногда хотели познакомиться. Обыч-

но я знала, как реагировать. Улыбнуться. Отшутиться. Перевести разговор. Но сейчас почему-то всё идёт не по сценарию. От его спокойного взгляда внутри поднимается совершенно нелепое волнение.

– Кстати... – он слегка подаётся вперёд. – Джек.

Значит, мы наконец добрались до знакомства.

– Лили, – отвечаю почти не задумываясь.

Именно так я представилась на ресепшене – Лили Картер, самая обычная, ничем не примечательная девушка.

Идеальная легенда.

– Приятно познакомиться, Лили.

– Взаимно, Джек.

Несколько секунд я молчу, крутя чашку в руках. Потом всё же не выдерживаю:

– Так вы и сейчас кого-то ищете? – вопрос звучит небрежно. Даже самой удивительно, насколько спокойно он срывается с языка.

– Да.

– И вы его нашли?

– Почти.

Что-то неприятно шевелится внутри.

– И... насколько он опасен?

Он чуть шурится, словно решает, сколько мне можно знать.

– Судя по награде, очень.

Я машинально тянусь к чашке. Кофе всё такой же отвра-

тительный. Горечь мгновенно разливается по языку, и я едва не морщусь. Очень вовремя. Есть повод опустить взгляд и выиграть несколько секунд.

Почему мне вдруг стало не по себе?

– Значит, поиски идут тяжело? – спрашиваю, возвращая на лицо лёгкую улыбку.

Он качает головой.

– Наоборот. Уже почти всё.

Сердце гулко ухает в ушах.

– Так уверены?

Он выдерживает мой взгляд удивительно спокойно.

– Да, – он едва заметно улыбается. – Такие люди долго не бегают.

– Что ж... – я заставляю себя улыбнуться, – тогда удачи вам.

– Спасибо.

Он допивает кофе, ставит чашку на стол и неожиданно поднимается. Подходит ближе, останавливается возле моего столика и кивает на свободный стул напротив.

– Не возражаете, если пересяду?

Вопрос звучит вполне безобидно. Улыбка у него открытая, взгляд тёплый, располагающий. Но внутри меня всё равно что-то сопротивляется. Разум настойчиво советует отказаться. Интуиция вообще требует немедленно уйти. И только какая-то совершенно нелепая часть меня уже готова согласиться.

– Конечно.

Он присаживается напротив, и я вдруг понимаю, насколько маленький здесь стол. Между нами остаётся всего ничего. Слишком близко. От него едва уловимо пахнет древесиной, чем-то тёплым, пряным, с лёгкой ноткой корицы. Не дешёвым одеколоном из супермаркета. Чем-то... очень мужским.

Господи.

Голова слегка кружится.

И нет, дело вовсе не в кофе.

– Так куда вы держите путь, Лили? – спрашивает Джек.

Я делаю глоток, выигрывая себе несколько секунд. Историю для таких вопросов я, конечно же, заранее не придумала. Почему-то была уверена, что разговаривать здесь мне будет не с кем.

Приходится сочинять на ходу.

– К подруге, – отвечаю я.

Почти правда.

Только мою «подругу» на самом деле зовут Ник Эванс, он мужчина.

– Она живёт неподалёку, – продолжаю уже увереннее. – Узнала, что у меня... скажем так, не лучший период, и решила устроить принудительную смену обстановки. Сказала, что, если я ещё хоть день просижу дома, окончательно свихнусь.

– Парень?

Я лишь неопределённо веду плечом. Пусть думает, что

угадал.

Он понимающе кивает.

– Так и думал.

Интересно, сколько раз он уже видел женщин, сбегających от мужчин?

– И как? Побег помогает?

Хмыкаю, поджимая губы.

– Пока что я живу в мотеле, который пахнет так, будто здесь годами прятали чей-то труп. Так что... не особенно.

Он смеётся, кивая.

– Значит, подруга вмещалась вовремя?

– Она из тех людей, которые сначала говорят: «Я же предупреждала», а потом всё равно приезжают тебя спасать.

– Такие редко встречаются.

– Поэтому я за неё и держусь.

Он несколько секунд молчит, задумчиво крутя чашку в руках.

– Иногда именно люди рядом определяют, кем ты станешь.

Я вопросительно смотрю на него.

– Это как?

Он пожимает плечами.

– Есть те, кто вытаскивает тебя наверх, а есть те, после которых приходится собирать себя по кускам.

Почему-то от этих слов внутри неприятно ёкает.

– Похоже, вы говорите по собственному опыту.

На мгновение его улыбка становится слабее.

– Как и вы.

– Главное, сделать выводы и не повторять ошибок. Верно?

Каждое слово, которое я произношу, ощущается как мелкий камешек в ботинке – не смертельно, но раздражает. Обычно ложь даётся мне легко, когда иначе нельзя – сейчас как раз тот случай – но почему-то именно ему врать неприятно.

Какая глупость.

Я знаю этого человека минуты две? Он может оказаться кем угодно: харизматичным мошенником, серийным убийцей, женатым, коллекционером человеческих черепов. Да кем угодно! И всё равно он мне нравится. Просто так. Без причины и единого здравого аргумента. Мозг требует подняться, сесть в машину и уехать как можно дальше, а сердце, кажется, вообще не в курсе, что мы спасаем собственную жизнь.

Жаль только, что познакомились мы именно сейчас, в придорожной забегаловке, где булочки выглядят как ветераны гражданской войны, и именно тогда, когда честность стала для меня непозволительной роскошью.

Я бросаю взгляд на часы.

– Чёрт... – шиплю я и поднимаюсь, на ходу доставая из кармана наличные. – Совсем потеряла счёт времени. Мне пора.

На его лице на мгновение появляется что-то очень похо-

жее на искреннее сожаление.

– Жаль. Было приятно познакомиться.

«Мне тоже жаль, Джек», – говорю мысленно.

– Взаимно, Джек, – улыбаюсь я, отворачиваясь к барной стойке. – И удачи с поисками.

Пока иду к стойке, чувствую его взгляд у себя на спине. Между лопаток пронзает жар, и тянет обернуться, просто проверить, действительно ли он смотрит. Но не оборачиваюсь.

Господи, как же не хочется уходить!

Полторы недели в бегах, а я уже успела забыть, как это вообще бывает: сидеть, болтать с человеком и хотя бы пять минут не думать, что тебя могут арестовать. И ведь из всех возможных незнакомцев мне попался именно этот – красивый, остроумный и опасно обаятельный. С таким я бы закачала ещё одну чашку омерзительного местного кофе и даже проглотила ещё одну подсыхшую булку.

Кажется, с мужчиной вроде Джека я раньше вообще никогда не разговаривала.

– Лили?

Я замираю и, к собственному ужасу, первая мысль вовсе не: «Что случилось?»

А: «Он всё-таки решил меня остановить».

Безрассудная часть меня этому безумно радуется и заставляет обернуться.

– Это ваша «Хонда»? Та, что стоит рядом с чёрной «Шев-

роле»?

Его вопрос, заданный будничным тоном, застаёт меня врасплох. Я на мгновение замираю и поворачиваю голову в сторону парковки. «Хонда» действительно стоит на своём месте, а рядом с ней – та самая «Шевроле», которая с первого взгляда действовала мне на нервы.

– Да...

Он кивает, будто только что подтвердил собственную догадку.

– Тогда нам с вами по пути. Та красотка – моя.

Я смотрю на его «Шевроле» и чувствую, как червячок сомнений, который я так старательно заталкивала вглубь, снова выползает наружу. Конечно. Конечно, это его машина! Почему я не подумала об этом раньше?

А вдруг он всё-таки не шутил?

Нет, не начинай, Ричардс. То, что мужчина ездит на огромной чёрной «Шевроле», ещё не делает его копом. Как и то, что он сказал, будто ищет людей, тоже.

Совпадения случаются. Правда ведь?

Джек поднимается из-за стола и небрежно убирает телефон в задний карман джинсов. Я выдыхаю, сама не замечая, что задержала дыхание.

Надо уходить.

Нет. Надо бежать.

Я лихорадочно перебираю в голове возможные отговорки: «Вспомнила, что забыла вещи в номере».

«Подруга ждёт».

«Мне срочно нужно позвонить».

Всё звучит одинаково фальшиво. Если сейчас резко сорвусь с места, это будет выглядеть ещё подозрительнее.

Замечательно, Ричардс. Загнала себя в ловушку собственными руками.

Остаётся только улыбнуться. Желательно так, чтобы улыбка не напоминала нервный тик.

– Идём?

Мы выходим из кафе, и солнце тут же бьёт по глазам так, что приходится зажмуриться. После полумрака внутри кажется, будто кто-то выкрутил яркость на максимум. Сухой и горячий воздух пропах раскалённым асфальтом и бензином с заправки через дорогу. В небе над нашими головами кружит одинокая птица. Она описывает широкие круги, высматривая добычу внизу, и я на мгновение задерживаю взгляд на ней. Вокруг почти никого. Только мы с Джеком, машины и бесконечная трасса, уходящая куда-то за горизонт.

– Жаль, что мы познакомились именно здесь, – говорит он с легкой грустью. – И при таких обстоятельствах.

Я хмыкаю, поджимая губы.

– Да уж. Не самое приятное место.

От его спокойного голоса я неожиданно начинаю расслабляться. В голове даже мелькает глупая мысль, что сейчас он может попросить у меня номер телефона. И тогда мне станет жаль, потому что придётся вежливо отказать. В этой версии

моей жизни нет места романтическим приключениям. Я не могу позволить себе даже думать об этом.

Моя неприметная «Хонда» стоит у края парковки. Почти дойдя до неё, я замечаю, что Джек замедляет шаг, отставая на пару шагов. Я останавливаюсь, оборачиваюсь.

– Знаешь, Сабрина... – произносит он совсем другим голосом. Без улыбки. – Если бы я не знал наверняка...

Его слова начинают прорастать во мне холодом. От прямого колючего взгляда в глаза сердце уходит в пятки.

– ...ни за что не подумал бы, что ты опасная преступница.

Визуализация

EAT
HERE

Глава 3. Зверёк в силках

Глава 3

Зверёк в силках

Сабрина Ричардс

Воздух вдруг исчезает. Я забываю, как дышать. Всё вокруг остаётся прежним. Солнце всё так же палит макушку. Раскалённый асфальт дрожит от жары. Где-то высоко над трассой истошно кричит птица. Только мир больше не кажется настоящим. Он становится плоским и далёким. Кажется, между мной и всем остальным вдруг выросло толстое стекло. Не могу пошевелиться. Ноги приросли к земле. Даже моргнуть страшно.

Еле слышно звякает металл. Звук совсем тихий, но у меня в голове он грохочет набатом.

Наручники.

– Простите?.. – собственный голос звучит тонко и неуверенно, как комариный писк.

Он же говорил... Он буквально сказал, что ищет людей...

Джек смотрит на меня без единой эмоции на твёрдом лице. От прежней ленивой улыбки не осталось и следа. Исчезли зелёные искорки в глазах. Исчез тот обаятельный мужчина, который смеялся над отвратительным кофе. Передо мной стоит совершенно другой человек – собранный, холодный и

пугающе уверенный в себе.

– Это... – сглатываю, пытаюсь заставить язык работать. – Это какая-то шутка?

Даже договорив, понимаю, насколько жалко это звучит. Какая ещё шутка? Кто выходит на парковку с наручниками ради розыгрыша?

– Давай без сцен, Сабрина.

Сабрина. Не Лили.

Мне не показалось. Последняя надежда, что это какой-то дурацкий прикол, рушится в один миг. Вместе с ней приходит ледяное осознание – я попалась. Мне конец. Я смотрю на его спокойное лицо, на холодные глаза, и понимаю: он не шутит. Он знает, кто я, и пришёл за мной.

Я делаю шаг назад, спотыкаясь о собственные ноги, и хватаюсь рукой за крышу «Хонды». Металл обжигает ладонь, но чувствую я только страх, который разливается по венам, парализуя всё тело.

Кто ты такой, Джек? Полицейский?

Нет...

Не похож.

Тогда кто?

Он не носит форму, не представляется. Тогда кто? Частный детектив? Охотник за головами? Я смотрю на его лицо и не нахожу ответа. Он просто стоит и ждёт, пока я осознаю неизбежное.

– Вы... – начинаю я, но слова застревают в горле.

В голове проносится вихрь мыслей.

Ну что, Сабрина? Замечательно! Поздравляю! Ты снова в ловушке, в которую угодила по своей собственной тупости! Сначала влезла туда, куда не стоило. Думала, правда кому-то нужна. Теперь стоишь здесь, на пыльной парковке с человеком, которого прислали за тобой. Позволила себе расслабиться. Смеялась с ним. Пила кофе. Флиртовала! Он с самого начала знал, кто ты. Он выложил перед тобой все карты, а ты даже не заметила.

Если он схватит меня, это конец. Условным сроком не отделаюсь. Никто не станет разбираться, виновна ли я. Я просто исчезну.

Сбежать от него?

Быстро оцениваю Джека. Он выше меня почти на голову, намного сильнее и, судя по тому, как спокойно стоит, совершенно уверен, что догонит. Шансы паршивые. Но между «паршивые» и «никаких» лежит целая пропасть, а я никогда не умела сдаваться просто потому, что математика складывалась не в мою пользу.

Делаю шаг назад. И ещё один. Джек слегка хмурится. Его тело напрягается, готовясь к движению.

Не думая, срываюсь с места в случайном направлении. Кроссовки скользят по мягкому асфальту. Сердце молотит по вискам. Лёгкие наполняются жаром через несколько метров.

Не оборачиваться.

Только не оборачиваться.

Посмотрю назад, потеряю скорость.

Потеряю скорость, проиграю.

Позади что-то кричит Джек, но его слова тонут в грохоте пульса у меня в ушах.

Асфальт внезапно заканчивается. Под ногами хрустит сухая земля, в воздух взлетает пыль. Резко сворачиваю за угол старого мотеля, цепляясь взглядом за любую возможность исчезнуть и спотыкаяюсь о камень. Нога подворачивается, и только чудом удаётся удержать равновесие.

Позади слышу его ровные шаги. У него даже дыхание не сбивается. Он бежит так легко, будто вышел на обычную прогулку.

Конечно, он ведь знает, что бежать мне некуда – вокруг, куда не глянь, чёртова пустыня. Ему нужно всего лишь подождать, когда мои силы иссякнут, и взять тёпленькой.

Резко ныряю между двумя ржавыми мусорными баками, надеясь выиграть хотя бы пару секунд. Сладковато-кислый запах тухлятины ударяет в нос, едва не сшибая с ног. Даже думать не хочется, что гниёт в этой куче отходов.

Плечо вдруг обжигает. Кожу испарывает ржавый край бака, и я чуть не задыхаюсь от боли. Понимаю, деваться некуда, но бегу из чистого упрямства, а в воображении тысячи микробов превращаются в миллиарды и пожирают мою раненую руку.

– Сабрина!

От голоса Джека передёргивает. Лёгкие полыхают так, что, кажется, со следующим выдохом выплуну их. Ноги наливаются свинцом.

Впереди показывается низкий покосившийся забор. За ним тянется пустырь, выжженный солнцем, с редкими колючими кустами и жёлтой травой. Оптимистка во мне слабо верит – всё получится. Мне удастся перемахнуть через него и скрыться, но в следующую секунду сильные пальцы обвивают моё запястье стальной хваткой. Одним рывком Джек разворачивает меня. Земля уходит из-под ног. Я едва не лечу носом в пыль, но он резко тянет обратно, и моя спина с силой врежется ему в грудь. Воздух выбивает через рот. Твёрдая, как трос, рука мгновенно обхватывает меня поперёк талии. Ровное дыхание касается макушки. Дёргаюсь, пытаюсь вырваться, но его хватка только усиливается.

Я извиваюсь, брыкаюсь. Нащупываю ногами забор и с силой отталкиваюсь от него, но руки Джека становятся стальными обручами. Они сжимаются так сильно, что я чувствую, как воздух выходит из лёгких. Мир перед глазами начинает плыть, и я слышу собственный голос, срывающийся на хрип: – Сукин сын...

Хватка становится жёстче. Совсем немного, но достаточно, чтобы я поняла: до сих пор он меня жалел. Пока что.

Я резко подаюсь назад, вкладывая всю злость, весь страх, всё отчаяние в один удар затылком. Моя голова взрывается ослепительной болью, а он шумно втягивает воздух у ме-

ня над ухом. Но он не отпускает. Наоборот, прижимает ещё сильнее. Моя спина вдавливается в его грудь, и я понимаю, что пространства для манёвра больше нет.

– Тише, тише, Бэмби, – шепчет он, наклоняясь так близко, что я чувствую его дыхание на своей щеке. – Бежать некуда.

Это «Бэмби» звучит издевательски ласково. Так отвратительно мягко, будто он нажимает на спусковой крючок. Ярость взрывается во мне, заливая всё вокруг красной пеленой. Я перестаю соображать.

– Ищейка... – шиплю я, дёргаясь, пытаюсь вывернуться из его хватки. – Мерзкая, грязная, вонючая шавка!

В ответ получаю только его неподвижные руки и это проклятое спокойствие, от которого хочется кричать ещё громче, биться ещё сильнее. Он даже не злится.

– О–о–о... – дыхание срывается. – Я ни в чём не виновата! Я знаю, как это звучит. Но это правда! Я просто студентка! Я не имею никакого отношения к наркотикам! Я... я...

Он молчит. Всё, что я говорю, для него просто шум. Я не человек. Всего лишь имя в ориентировке. Очередная галочка, которую нужно поставить в отчёте.

– Я просто делала проект для диплома... – бессильно шепчу. – Но тебе ведь всё равно, да? Что у тебя там? Квартальная премия? Ради неё готов отправить за решётку невиновную?

Я чувствую, как внутри закипает злость – холодная, злая, отрезвляющая.

– Bravo, Джек–как–там–тебя, – цежу сквозь зубы. – Про-

сто блестяще. Ты, наверное, гордишься собой.

Я замолкаю и жду хотя бы какой-то реакции, но уже догадываюсь, что он ничего не ответит.

Силы кончаются внезапно, будто кто-то щёлкнул выключателем. Колени подгибаются, тело становится ватным, и я повисаю в его руках, тяжело дыша.

Ненавижу это чувство. Ненавижу себя за то, что я позволила ему заговорить с собой, заглянуть в глаза, услышать мой смех. Ненавижу его за то, что он оказался проклятым копом.

Он держит меня, как держат пойманное животное, которое перестало сопротивляться. Я закрываю глаза.

Дура.

Сначала полезла туда, куда не надо.

Потом позволила себе повестись на красивое лицо.

Я медленно выдыхаю и собираю остатки себя. Он может думать, что всё кончено, я сдалась. Пусть. Но я сбегу при первой же возможности.

Исчезну.

Глава 4. Бэмби

Глава 4

Бэмби

Джеск Портер

Она спотыкается на каждом шагу, так и норовя протаранить лицом асфальт. Не сопротивляется – по крайней мере, внешне, – хоть и не смирилась с поражением окончательно. Я это чувствую сразу, вижу в усталом взгляде исподлобья, в напряжённо сомкнутых губах. Девчонка решила сменить тактику и выждать.

Мышка решила поиграть с котом. Миленко.

– Идём, – говорю я, придерживая её за предплечье без лишней нежности, но и без желания причинить боль.

Хватит с неё собственной глупости. Чем она думала? Намеревалась скрыться в пустыне?

Инстинктивно бросаю взгляд на её свободную руку и сдерживаюсь, чтобы не чертыхнуться вслух. Рана, которую я принял за царапину, оказалась куда серьезней. Пропитав рукав белой футболки, кровь стекает тонкой струей и капает на асфальт.

Она этого не замечает. Конечно, не замечает. Слишком занята тем, что мысленно проклиная меня. Взгляд ее недавно теплых карих глаз стал стеклянным, дыхание неровными

толчками рвется наружу, тело все еще на адреналине. Боль придёт потом, стоит только немного прийти в себя.

Рана серьёзная. Никакая это не царапина. Судя по краю – напоролась на острый гвоздь или кусок железа. Швы, минимум. И чем быстрее, тем лучше.

Я сжимаю челюсти.

Как не вовремя, Бэмби.

И что еще хуже – это лишняя ответственность. Ненавижу лишнюю ответственность.

– Ты ранена.

Она не отвечает. Кажется, даже не сразу понимает, что я сказал.

Я снова тяну её за собой к машине осторожно, но настойчиво. Нет, мне её не жаль. Мне на неё плевать. Я не «добрый», не «заботливый» и не все вот это дерьмо. Но мёртвые или истекающие кровью беглянки – это бумажная волокита, которую я тоже терпеть не могу.

Дотаскиваю её до машины, придерживая под локоть. Открываю заднюю дверь «Шевроле» и без лишних церемоний усаживаю на заднее сиденье. Аккуратно ровно настолько, чтобы потом никто не сказал, что я был груб. Она не сопротивляется. Даже не смотрит на меня – уставилась в одну точку, делая вид, что меня здесь нет. У неё дрожат губы.

Опускаюсь на колени рядом с ней, чтобы осмотреть рану, когда из кафе выплывает официантка.

– Эй! – окликает она нас. – У вас там какие-то проблемы?

Краем глаза замечаю, как Сабрина – Лили, Бэмби, чёрт бы её побрал – шевелится. В глазах загораются искорки надежды.

Серьезно, Бэмби? Надумала просить о помощи?

Я чуть не рассмеялся в голос.

– Всё в порядке, – выглядывая из-за двери, говорю я с улыбкой. – Небольшое недоразумение.

Официантка смотрит на нас секунду–другую. Окровавленное плечо от неё скрыто дверью автомобиля, но даже если бы она увидела его, вряд ли стала бы вмешиваться – ей плевать.

– Ну... ладно, – тянет она. – Смотрите там, если нужна помощь...

И, не договорив, скрывается в своей дешевой забегаловке.

Бэмби смотрит на меня сверху вниз с застывшей смесью злости и отчаяния. И на секунду – всего на чёртову секунду! – я вижу перед собой другую Сабрину Ричардс. Ту, из кафе, которая смеялась, думая, что я пошутил, назвавшись охотником за головами. Ту, что брезгливо протирала стол влажной салфеткой и чуть ли не купалась в антисептике.

Опасно очаровательна.

Плохая мысль, Портер.

Очень плохая.

Очарование тоже может быть смертельным оружием. Я слишком давно в этом бизнесе, чтобы забывать такие простые истины. Отогнав непрощенные мысли, возвращаюсь к

её руке и только теперь вижу масштаб бедствия целиком. По-темневшая ткань футболки облепила кровоточащий порез.

– Ты ранена.

Я пытаюсь осмотреть её, но Бэмби тут же отталкивает меня.

– Не трогай, – цедит сквозь зубы.

– У тебя течёт кровь.

– Я сказала – не трогай!

Молча смотрю на неё, давая шанс одуматься, но она им не пользуется. Только сильнее хмурится, упрямо отползая назад вглубь машины.

– Не глупи, Бэмби, – говорю я холоднее. – Ты разодрала плечо у мусорных баков вшивого мотеля. Тебе повезёт, если столбняк не подхватила.

Она замирает, сглатывая. На миг в глазах, затуманенных гневом, мелькает искорка настоящей паники. Она вскидывает подбородок, с вызовом глядя на меня, и трясется едва ли не всем телом.

Упрямства в ней больше, чем брезгливости.

– Не твоё дело, – бросает она, прижимая руку к себе.

Ладно. По-хорошему не получилось.

Я перехватываю её за запястье и тяну на себя. От моего прикосновения её передергивает.

– Убери свои грязные лапы!

Я не собираюсь спорить. Хочет она или нет, но ей придётся довериться моим «грязным лапам». Она сопротивляется,

бьёт меня по щеке, пытается пнуть, но мне достаточно одного резкого движения, чтобы зафиксировать руку так, что она не может вырваться. У меня нет времени на её несчастную, глупую гордость. Крепко прижав её к сиденью, дергаю вверх рукав её футболки. Бэмби вздрагивает, всхлипывая.

Твою мать...

Рана оказалась хуже, чем я предполагал. Её рваные края уже начали припухать, воспаляясь, хотя прошло совсем немного времени. Она медленно сочится, поэтому сложно судить о глубине. Точно придётся накладывать швы.

Я поднимаю взгляд на побледневшее от страха лицо с плотно сжатыми губами и по лихорадочному блеску в глазах понимаю – до неё начинает доходить.

– Не смотри так, – бурчит она. – Я же не умираю?

– Пока нет, – сухо отвечаю я. – Но ты очень стараешься.

Я чуть сильнее подворачиваю ткань, чтобы она не касалась раны. Бэмби шипит сквозь зубы, сжимая в кулак пальцы на здоровой руки – боль, наконец, начинает догонять.

– Нужно зашивать, – говорю я без сарказма. – И промывать. Немедленно.

– Я не поеду с тобой в больницу.

Ну разумеется.

– А кто сказал про больницу?

Она резко выдыхает, будто я только что ударил её под дых.

– В каком смысле?

Я киваю в сторону безлюдной дороги, выжженной солн-

цем пустыни вокруг и мотеля, в который по доброй воле не заселяются.

– В прямом. Мы в такой глуши, что пока ты дождёшься скорую, успеешь истечь кровью и отправиться на встречу к предкам.

Я, конечно, слегка сгущаю краски, но с такой упрямницей иначе никак – будет терпеть боль, но не даст прикоснуться к себе. Она смотрит на меня широко раскрытыми глазами, дыша так глубоко и часто, что я мгновенно понимаю – ещё немного, и она просто отключится.

– Эй, эй... – я слегка встряхиваю за здоровое плечо. – Только попробуй вырубиться.

Она не сразу, но поднимает взгляд, полный страха, злости и отчаянного нежелания верить мне на слово.

– Слушай внимательно, Бэмби, – продолжаю я, понижая голос. – У тебя есть выбор. Не самый богатый, но всё же.

Я делаю паузу, чтобы дошло.

– Первый вариант: ты продолжаешь упрямиться, хватаешь какую-нибудь дрянь с этого забора, получаешь воспаление, столбняк и умираешь очень принципиальной.

Она сглатывает.

– Второй вариант: ты позволяешь мне заштопать тебя. И тогда ты остаёшься живой.

Я наклоняюсь чуть ближе, чтобы она поняла – я не блефую.

– Выбирай. Время сейчас работает не на тебя.

Смотрю на неё, не торопя и не подталкивая. Решение должно быть за ней. Иначе, если она вдруг начнёт дёргаться, я могу ещё больше навредить. Она раздумывает недолго. Инстинкт самосохранения всё же берёт верх над упрямством. Нервно выдыхая, почти незаметно кивает, будто боится, что, если сделает это слишком явно, то признает поражение.

– Умница.

Проверив, что рукав футболки надёжно закреплён, иду к багажнику за аптечкой со всем необходимым и канистрой чистой воды – стандартный набор на случай, если жизнь в лице очередного негодяя решит проверить меня прочность. Пока копаюсь, в голове мелькает дурацкая мысль: а если рванёт? Если решит, что это её последний шанс?

Бросаю взгляд через заднее стекло. Бэмби сидит с закрытыми глазами. Понуриив хрупкие плечи, уткнулась лбом в решетку, отделяющую передние сидения от заднего. Не опасная преступница, а раненый зверёк, который наконец понял, что силы кончились. Дышит медленно, но неровно. На секунду меня накрывает странное, совершенно неуместное чувство – жалость. Грёбанное сочувствие, от которого обычно одни проблемы.

Чёрт бы её побрал. Почему она так отличается от обычной преступницы?

Я захлопываю багажник резче, чем нужно, словно пытаюсь выбить из головы лишние мысли, и возвращаюсь к задней двери. Помогаю Бэмби выбраться из машины, придерживая

под здоровый локоть. Двигается она вяло, неуклюже.

– Осторожно, – бурчу я, хотя она и так осторожнее некуда.

Лицо её приобрело зеленоватый оттенок, губы стали бледнее. Я хмурюсь, усаживая её на сидение так, чтобы можно было промыть рану, не испачкав салон. Она не спорит, и это даже настораживает.

– Сейчас будет неприятно, – предупреждаю скорее по инерции, чем из вежливости, открывая бутылку с водой.

Она кивает и тут же отворачивается, утыкаясь взглядом куда-то в асфальт, словно там внезапно началось цирковое шоу с акробатами. Но стоит упасть нескольким каплям крови, крепко зажмуривается. Пальцы сжимают край сиденья так, будто она собирается его проткнуть насквозь.

Я лью воду на плечо медленно, не причиняя больше боли без необходимости. Кровь сразу становится полупрозрачной, течёт вниз, пачкая парковку рядом с машиной. Бэмби резко втягивает воздух и замирает, стискивая челюсти.

– Не дёргайся, – говорю спокойно. – И лучше не смотри.

Она и не смотрит. Даже не пытается. Наоборот – отворачивается ещё сильнее. До меня не сразу, но доходит: ей плохо не от боли, а от вида крови – старый, примитивный триггер.

Я продолжаю промывать рану. Вода постепенно приобретает розоватый оттенок, пока не становится совсем прозрачной. Тогда виднеется неровный разрыв кожи.

– Дыши, – говорю мягче. – Медленно. Это просто красная жидкость. Ничего страшного. Сконцентрируйся на дыхании.

и. Вдох. Выдох. Вдох и выдох.

Она кивает, не открывая глаз, и делает несколько ровных глубоких вдоха. Так. Уже лучше. Значит, в обморок пока не собирается.

– Сядь ровно, – говорю я, зажимая рану марлевым тампоном.

Помогаю ей выпрямиться, усаживаю нормально на сиденье, а сам устраиваюсь рядом. Она напрягается, но не отстраняется, когда я начинаю обрабатывать рану антисептиком. Только вздрагивает, губы сжимаются в тонкую линию.

– Потерпи, – говорю коротко. – Будет больно.

Я работаю быстро и аккуратно, но всё равно чувствую её мелкую дрожь и вдруг осознаю то, что так старательно игнорировал с самого начала – она хрупкая. Она ведь держится на чистом упрямстве! Она устроила целую войну микробам за столиком в кафе. Вид крови должен был напугать до чертиков, не говоря о хирургии в полевых условиях... Себя я штопал десятки раз. В мотелях, в машинах, в местах похуже этого. Без зеркала, без света, иногда без нормальных инструментов. И всегда знал – выдержу.

Но она... Она – нет.

Без анестезии она просто не вынесет. Она всего лишь обычная девчонка, чёрт бы её побрал.

– Плохие новости, Бэмби. Нам все-таки придётся обратиться в травмпункт.

Глава 5. По рукам

Глава 5

По рукам

Джеск Портер

От дрянного мотеля, где Бэмби провела прошлую ночь, мы уехали утром. Цифры на приборной панели напоминают, что перевалило за полдень, но в тягостной тишине время совсем перестало ощущаться.

Калифорнийское солнце безжалостно палит через боковое стекло, обжигая левую руку. Я успел забыть, каким здесь бывает пекло. Впереди раскалённый асфальт дрожит, растворяясь в мареве у самого горизонта.

За часы, проведённые в дороге, нам не попалось ни одного городка, только пара заброшенных заправок с провалившимися крышами и дорожный знак, с подозрительным оптимизмом обещающий, что где-то впереди существует Санни-Крик. Вокруг лишь выжженная солнцем земля, редкие высохшие кусты и бесконечная полоса шоссе, уходящая за горизонт – отличное место, чтобы подумать о своих жизненных решениях.

Бэмби сидит рядом, отвернувшись к окну. Её тонкие ухоженные руки, сцепленные наручниками, спокойно лежат на коленях. Задумчивый взгляд скользит по раскалённому пей-

зажу за стеклом. Притихла. За всю дорогу не произнесла ни слова, не попыталась договориться или хотя бы огрызнуться.

Не пойму, что это – полнейшая апатия или железный самоконтроль, и она вот-вот выкинет что-то эдакое. Ни один из вариантов мне не нравится, сильнее всего раздражает другое – я совершенно не чувствую от неё опасности, а это, как показывает мой опыт, самый верный способ однажды получить нож под рёбра.

Она красивая. Даже слишком. Черты лица настолько правильные и мягкие, что кажутся неправдоподобными. Большие тёмно-карие глаза, длинные ресницы, аккуратный нос, губы – всё настолько гармонично, будто природа однажды решила ни на чём не экономить. Она выглядит не человеком, а дорогой фарфоровой куклой, которую кто-то случайно научил дышать.

Я не привык к таким лицам. Обычно в ориентировках такие не попадают.

Тёмные волосы собраны наспех. Несколько прядей выбились из хвоста и прилипли к вискам, влажным от жары. Непривычная к палящему солнцу кожа успела слегка обгореть на переносице. Губы, слегка приоткрытые, пересохли, и почему-то взгляд всё время падает на них. Это раздражает. Слишком чувственные губы для человека, которого я везу в наручниках.

Если бы не усталость, залёгшая тенью под глазами, и не это странное выражение опустошённости, я бы, наверное,

назвал её идеальной. На таких взгляд сам собой задерживается дольше положенного, а ты потом мысленно материшь себя за это.

Поэтому я отвожу взгляд обратно на дорогу.

Внешность бывает обманчивой. Особенно такая.

Я не знаю, что произошло на самом деле. Не знаю, как она дошла до этого. Но я видел ориентировку и сумму вознаграждения. Этого достаточно. Если отбросить её молчание, усталость и завораживающие глаза, останется только одно – девушка рядом со мной находится в наручниках не случайно. Она преступница.

Я крепче сжимаю руль.

Опыт давно научил меня не судить людей по лицам. Самыми опасными нередко оказываются именно те, кто выглядит беззащитнее всех. Пусть молчит, пусть смотрит в окно, а наручники на её запястьях нужны не только ей. Они нужны мне, чтобы не забывать, зачем я её везу, и чем всё это должно кончиться.

Краем глаза снова смотрю на неё – всего на секунду – и сразу возвращаюсь к дороге.

– Бэмби, ты как?

– Засунь свою «Бэмби» себе знаешь куда? – цедит сквозь зубы.

– Полегче, Бэмби, – хмыкаю я, не пытаюсь скрыть усмешку.

Она резко поворачивается ко мне, и, если бы взглядом

можно было пробивать дыры в металле, «Шевроле» уже развалился бы на запчасти.

– Ты издеваешься?

Я пожимаю плечами. Искренне.

– А, по-моему, звучит мило.

Это добивает её окончательно.

– Мило?.. – она злобно усмехается. – Мило! Да ты само очарование. Не смей. Меня. Так. Называть.

– Хорошо, – киваю я. – Тогда, может, Лили?

Её лицо искажается от ярости. В глубине тёмных зрачков вспыхивает пламя.

– Да пошёл ты!

– Уф, – едко вздыхаю я. – Как грубо.

Она отворачивается к окну, сжимая челюсти.

– Ненавижу, – цедит она.

Не могу удержаться от новой усмешки и качаю головой. Всё-таки она забавная. Пока я вызывал эвакуатор для её машины, молчала. Пока защёлкивал на её запястьях наручники, молчала. Даже когда дверь машины закрылась и стало окончательно ясно, что назад дороги нет, не сказала ни слова. Но стоило назвать её Бэмби... наконец прорвало.

Серьёзно? Из всего происходящего её больше всего возмутило дурацкое прозвище? Приоритеты, конечно, впечатляют. Не каждый день встретишь человека, который цепляется за такую мелочь, когда вся его жизнь катится под откос.

Это почему-то заставляет меня улыбнуться шире.

Перевожу взгляд на повязку у неё на плече, и веселье тут же испаряется. Бинт насквозь пропитался кровью.

Угораздило же.

Стоило вспомнить про травмпункт, настроение окончательно летит к чёрту. Для неё это, может, шанс получить помощь. Для меня же очередная порция головной боли и ненужных бюрократических проволочек – местный шериф, звонки, бумажки, без которых никто не позволит просто заштопать человеку руку и разойтись. Несколько часов жизни, которые неизбежно отправятся в мусорное ведро.

Я шурю от бьющего в лоб солнца.

Вообще-то всего этого можно избежать. Достаточно немного соврать. Сказать, что она неудачно напоролась на ржавый гвоздь. Или распорола руку о лист железа. Любая скучная бытовая история подойдёт. Такие вещи случаются каждый день, и никому нет до них особого дела. Если не давать людям повода задавать вопросы, большинство с радостью ими не задаётся.

Снова смотрю на неё. Бэмби всё так же сидит, отвернувшись к окну и гипнотизируя дорогу.

И тут меня осеняет. В травмпунктах любят простые объяснения.

Парень.

Девушка.

Муж.

Жена.

Неловкая случайность.

Бытовая травма.

Всё.

Если дать им понятную историю, они сами додумают остальное.

Я быстро прокручиваю в голове возможный разговор.

«Моя девушка порезала руку».

«Ничего серьёзного. Неудачно упала».

«Да, крови боится».

«Нет, офицер не нужен. Мы сами разберёмся».

Чем скучнее звучит ложь, тем охотнее в неё верят. Ни шерифа, ни протоколов, ни потерянных часов. Заштопают руку, и мы сразу поедem дальше.

Иронично, конечно. Изображать заботливого бойфренда после того, как сковал ей руки, но чем дольше думаю, тем больше понимаю, что идея не такая уж плохая. По крайней мере, шансы, что кто-то решит проявить служебное рвения, мизерные, а, значит, и торчать в участке не придётся. Да и внешне мы вполне сойдём за обычных влюблённых.

Бэмби слегка морщит лоб, будто чувствует мой взгляд, но так и не поворачивается.

– Эй, – говорю я, не отрывая взгляда от дороги. – Когда приедem... постарайся не усложнять.

Она фыркает.

– Если заявимся в травмпункт как есть, зависнем там до вечера, а мы и так уже пропустили обед.

Она продолжает смотреть в окно.

– Есть вариант получше, – продолжаю я. – Соврать. Тогда тебя быстро зашьют, и мы сразу уедем.

И снова в ответ молчание.

– Между прочим, это выгодно не только мне. Если всё пройдёт спокойно, никто не узнает о твоих... небольших проблемах с законом.

Вот теперь она наконец поворачивает голову и смотрит с недоверием. Я лишь пожимаю плечами.

– Всё довольно просто, Бэмби, – говорю я. – На полчаса нам придётся сыграть счастливую парочку.

Бэмби едва заметно сжимает челюсть. Ещё секунда, и она наверняка пошлёт меня куда подальше, но пока всего лишь сверлит обалдевшим взглядом.

Конечно, она мне не верит.

После того представления в кафе было бы странно ждать чего-то другого.

Это была моя слабость. Признаю. Но, чёрт возьми, меня тоже обманули! Вместо опасной добычи, о которой рассказывал Ламберт, мне подсунули какую-то глупую красотку. Заслужил же я хотя бы немного удовольствия от этой работы. Если уж охота оказалась такой разочаровывающей, пусть хотя бы финал будет интересным.

Мне нравилось смотреть на Бэмби, пока она ничего не подозревала. Ловить её взгляд и перебрасываться ничего не значащими фразами. Видеть, как с каждым словом она рас-

слабляется всё сильнее, а потом...

Одним движением выбить почву у неё из-под ног.

Это короткое мгновение растерянности, когда человек ещё не успел осознать, что произошло, когда в глазах вспыхивают недоверие, страх и паника одновременно... Ради таких секунд некоторые и становятся охотниками.

Конечно, можно было сделать всё проще – подойти сзади и надеть наручники сразу. Это быстро, чисто и профессионально, но до невозможности скучно.

Она не глупая, совсем нет. Дважды на один и тот же крючок такие не попадают, но сейчас она слишком загнана в угол, чтобы позволить себе выбирать. Когда вариантов не остаётся, гордость и недоверие становятся непозволительной роскошью. Я почти уверен, что она уже всё решила, просто пока не готова произнести это вслух.

– И ещё, – добавляю я, когда молчание начинает затягиваться. – Никакой полиции.

– Надо же. С чего вдруг такая забота?

– Забота здесь вообще ни при чём, Бэмби.

Срабатывает мгновенно. Её челюсти резко напрягаются. Похоже, именно сейчас она мысленно придумывает самый болезненный способ моей смерти.

– Только не начинай.

Она поворачивается ко мне всем корпусом. В глазах вспыхивает такое возмущение, что я едва сдерживаю улыбку.

Чёрт возьми, да! Мне это нравится. Нравится, как она бе-

сится из-за ерунды.

– Ну? – спокойно спрашиваю я. – Что решила?

– Я ни за что не буду твоей девушкой!

– Отлично, – я равнодушно пожимаю плечами. – Тогда вызываем шерифа. Он оформит задержание, медики зашьют руку, а заодно вся больница узнает, что в их приёмном покое сегодня побывала особо опасная преступница.

– Я не опасная преступница!

– Да-да, – тяну я. – Невинный ангел, против которого ополчился весь мир.

– Но меня действительно подставили!

Я лишь качаю головой, не отрывая взгляда от дороги.

– Ох, Бэмби...

– Я серьёзно!

– Верю, что ты сама в это веришь.

– Потому что это правда!

– Может быть, – я пожимаю плечами. – Только знаешь, сколько раз я это слышал? «Мне подбросили наркотики». «Я защищался». «Это ошибка». «Меня подставили». Люди почему-то очень редко признаются, что сами всё испортили.

Она открывает рот, собираясь возразить, но я перебиваю:

– Это не моя работа, Бэмби. Я не выясняю, кто врёт, а кто нет. Кого сказали найти, того я и нахожу, а всё остальное уже чужая головная боль.

В машине снова повисает тишина, и я вздыхаю.

– У тебя два варианта: либо ты на полчаса притворишься

моей девушкой, либо будешь сидеть у доктора в наручниках. Выбор за тобой.

Молча, Бэмби долго смотрит на меня. В её глазах смешались страх, злость, недоверие и такая уязвимость, что мне самому вдруг становится не по себе. Наконец она медленно отворачивается к окну.

– Ты омерзителен, – произносит она почти шёпотом.

Я лишь криво усмехаюсь.

Не спорю.

Вряд ли кто-нибудь назвал бы меня иначе.

Глава 6. Бойфренд

Глава 6

Бойфренд

Сабрина Ричардс

От больницы веет тем же унынием, что и от выжженной солнцем калифорнийской пустоши. Будто земля вокруг давно смирилась с собственной гибелью, а это здание осталось её последним упрямым вдохом. Низкая облупившаяся коробка с выцветшей вывеской и широкой трещиной, расползающейся от крыльца куда-то под фундамент.

Я возненавидела это место ещё на входе.

В нос тут же ударяет густой запах хлорки, настолько едкий, что на мгновение становится трудно дышать. После раскалённой улицы здешняя прохлада пробирает до мурашек. Белый свет флуоресцентных ламп безжалостно бьёт по глазам, заставляя щуриться.

Ненавижу эту вонь.

Ненавижу этот мертвенно-белый свет.

Ненавижу жару снаружи.

Но больше всего сейчас я ненавижу человека, который идёт рядом и так по-хозяйски придерживает меня за локоть – Джека.

Плечо окончательно перестало притворяться, что с ним

всё в порядке. Боль пульсирует где-то глубоко под кожей, жжёт и тянет так, будто в рану медленно вкручивают раскалённый металлический крюк. Каждый шаг отзывается новой вспышкой, и делать вид, что это всего лишь царапина, больше не получается.

Моё собственное тело объявило мне бойкот.

Вместе с болью усиливается навязчивый страх. Он упорно нашёптывает, что я распорола плечо обо что-то ржавое, грязное и кишачье всякой заразой. Не в стерильной операционной, а в богом забытом закоулке вонючего мотеля, где бактерии чувствуют себя как дома.

Инфекция, столбняк, стафилококк – все эти слова всплывают в голове одно за другим. И чем сильнее пульсирует плечо, тем убедительнее становятся эти мысли.

Отлично, Сабрина. Просто блестяще. Сначала ты влезла туда, куда не стоило. Потом почему-то решила, что сумеешь бежать. Потом позволила себе расслабиться рядом с мужчиной, который буквально зарабатывает на жизнь тем, что находит таких, как ты. А теперь стоишь в захолустном травмпункте с дырой в плече и понятия не имеешь, что делать дальше.

Браво.

И вишенка на великолепном торте – гениальная затея Джексона притворяться парой.

Сама мысль об этом заставляет внутри всё закипеть. Злость смешивается с болью, страхом и усталостью, превра-

щаяся в ядовитый коктейль, который невозможно проглотить.

Притвориться парой.

С ним.

С человеком, который несколько часов назад флиртовал, а потом совершенно спокойно арестовал.

С человеком, который везёт меня навстречу суду, и, кажется, его это совсем не мучает.

До сих пор помню его взгляд без единой эмоции в тот момент, когда я поняла, что попалась. Противный – вот какое слово подходит ему лучше всего. Аж зубы сводит. Хочется развернуться и бежать, даже если плечо отвалится где-нибудь по дороге. Я крепко стискиваю зубы – лучше молчать, ведь стоит мне открыть рот, я точно наговорю такого, о чём потом пожалею.

Краем глаза цепляюсь за своё отражение в стеклянной двери и замираю. На меня смотрит какой-то призрак. Лицо стало бледным. Веки опухли, словно я неделю не спала и столько же ревела. Губы пересохли и потрескались. Просто мисс Вселенная!

Рядом стоит Джек. Я чувствую его присутствие раздражающе остро. Особенно ещё и потому, что он-то выглядит красавчиком на миллион долларов. И он спокоен в своей отвратительной уверенности, что всё идет по плану. По его чёртову плану.

Втягивая воздух в лёгкие, стараюсь унять дрожь в руках.

Хотя кого я пытаюсь обмануть?

Я в бешенстве, и он это чувствует.

Когда мы подходим к стойке регистрации, Джек вдруг кладёт ладонь мне на талию. Так по-хозяйски, будто это совершенно естественно. Я резко поворачиваюсь к нему, уже готовая высказать всё, что думаю об этой идиотской затее, но не успеваю. Одним движением притягивает меня ближе, почти вплотную, и смотрит прямо в глаза.

«Не вздумай, Бэмби», – говорит его взгляд с чуть приподнятой бровью.

– Тише, милая, – шепчет Джек настолько приторно, что, кажется, стены вот-вот начнут источать патоку. – Я со всем разберусь.

И стоит ему улыбнуться той самой игривой, раздражающе дразнящей улыбкой, которую я видела утром в кафе...

Моё собственное тело снова меня предаёт. Сердце сбивается с ритма. Щёки предательски теплеют.

Да что со мной вообще не так?!

Низ живота обволакивает странной, тягучей волной предвкушения. И это... чертовски нелепо. Мы знаем друг друга пару часов. Он – мой тюремщик. А моё тело ведёт себя так, будто это долгожданная встреча после разлуки. Дыхание сбивается. Его ладонь обжигает кожу сквозь футболку, и я внезапно слишком отчётливо ощущаю каждую точку, где он касается меня. Расстояние между нами исчезает, но появляется дрожь в коленях.

Это ведь неправильно! Это же Джек—как—его—там! Тот самый Джек, которого интересует только награда за мою голову! Я должна хотеть оттолкнуть его, а вместо этого... моему телу приятно! Оно выбирает самый позорный вариант из всех возможных.

У стойки регистрации нас встречает девушка лет двадцати пяти. Светлые волосы собраны в небрежный хвост, на лице усталая, но всё ещё доброжелательная улыбка. Она переводит взгляд с Джека на меня.

— Я...

— Добрый день, — мягко перебивает меня Джек.

Конечно, кто бы сомневался.

— Моя девушка поранилась, — в его голосе звучит та самая правильная доля тревоги, которая моментально вызывает сочувствие, и он улыбается медсестре.

Судя по тому, как у неё теплеет взгляд, попадает точно в цель.

Господи, как же мне хочется чем—нибудь огреть его по голове.

Его ладонь сильнее сжимает мою талию, напоминая: *не вздумай всё испортить*.

— Мы были за городом, — продолжает он. — У моей бабушки остался старый дом. Лили не заметила гвоздь, торчащий из доски.

Ох, ну спасибо, что не гадкая Бэмби.

— Я же говорил, что сначала нужно вытащить его, — добав-

ляет он, уже глядя на меня с укоризненной заботой.

Лжёт без запинки.

– Я не думала, что всё кончится так, – вставляю я, стараюсь, чтобы голос звучал не слишком ядовито. – Я же не думала, что...

Джек наклоняет голову ко мне.

– Потому что ты упрямая, – говорит он ласково. – И никогда меня не слушаешь.

Девушка за стойкой понимающе кивает. Похоже, спектакль проходит на ура.

– Плечо? – уточняет она, глядя на пропитавшийся кровью бинт.

– Да, – отвечает Джек. – Кровь мы остановили, но рана глубокая. И Лили очень плохо переносит вид крови.

Вообще-то я плохо переношу тебя.

Эта мысль звучит в голове так громко, что заглушает все остальные.

– Я просто... не люблю больницы, – выдавливаю я, натягивая улыбку.

– Не любит – это мягко сказано, – невозмутимо продолжает Джек. – Она готова упасть в обморок от одного запаха антисептика. Так что, если вдруг ей станет плохо, я бы хотел быть рядом.

– Конечно, – девушка сочувственно улыбается и начинает что-то печатать. – У вас есть страховка?

– Разумеется.

Джек достаёт бумажник.

– Лили Картер, но оформите всё на меня. Джек Портер.

Джек. Чёртов. Портер.

– Подождите минутку, – добавляет она. – Сейчас вызову медсестру.

Она уходит, и я наконец поворачиваю голову к Джеку Портеру.

– Ты слишком стараешься, – шиплю я.

Он склоняется ко мне чуть ближе, не убирая руку.

– А ты слишком напряжена, – шепчет он. – Расслабься, Лили. Мы почти справились.

Мы. Как будто это наша общая идея.

Я отвожу взгляд и сжимаю губы, стараясь не думать о том, что его большой палец медленно рисует круги на моем боку.

Какого черта?

– Тебе не обязательно лапать меня.

– Вообще–то обязательно, – так же тихо отвечает он. – Люди в отношениях обнимаются.

– Люди в *нормальных* отношениях, – уточняю я. – А не в дешёвом спектакле для замшелого травмпункта.

Но Джек и не думает убирать руку. Напротив – чуть сильнее прижимает меня к себе.

– Ты нервничаешь, – констатирует он. – Это бросается в глаза. Приходится спасать ситуацию.

– Ты её только ухудшаешь, – цежу я сквозь зубы. – И вообще... руки убери.

Он наклоняется ближе, так, что его голос слышу только я.

– Забавно слышать это от человека, который сам согласился участвовать в этом спектакле. Или ты никогда не встречалась с парнями и не знаешь, как обычно ведут себя влюблённые?

Я резко вскидываю голову.

– А ты, значит, эксперт?

Он невозмутимо пожимает плечами.

– Не смейся. Ты совсем не похож на человека, который способен построить нормальные отношения.

Он вопросительно приподнимает бровь.

– Правда?

– Правда. Ты скорее запрёшь девушку дома и будешь выводить её на прогулку по расписанию.

Уголок его губ дёргается.

– Ого, – тихо усмехается он. – Такой тонкий психологический анализ за две минуты знакомства. Впечатляет.

– Элементарная внимательность, – парирую я. – И, если тебе вдруг интересно, отношения у меня были. Настоящие.

– Скучно, – хмыкает он. – А сейчас будь умницей, Бэмби.

– А если я не хочу?

– Для всех вокруг ты моя девушка.

Он слегка сжимает ладонь у меня на талии и кивает в сторону регистратора.

– Так что постарайся хотя бы пять минут смотреть на меня так, будто хочешь поцеловать, а не придушить.

– Это слишком сложная актёрская задача.

– Ничего. Я в тебя верю.

Хочется выцарапать ему глаза, стереть его нахальную усмешку, послать к черту. Никогда раньше никто другой не бесил так, как это делает он. *Мерзкий, отвратительный... болван!* Ругательства застревают комом в горле, а где-то на периферии маячат девушка с ресепшена и медсестра. Приходится набрать воздуха в лёгкие и задержать дыхание, но ощущение такое, что у меня из ушей вот-вот повалит пар.

Улыбка Джека, словно по щелчку тумблера, из язвительной становится медовой, от чего ещё больше хочется треснуть по его наглой физиономии. Мне тоже приходится улыбнуться, но получается криво, озлоблено и больше напоминает оскал. Я чувствую это, но ничего не могу с собой поделать. Внутри всё кипит.

Джек это замечает.

И, конечно, делает ровно то, что меня ещё больше бесит. Его ладонь невесомо ложится мне на голову. Большим пальцем гладит по щеке, делая вид, что пытается успокоить. А потом он наклоняется и коротко целует меня в висок.

Он издевается! Этот жалкий сукин сын издевается надо мной!

– Всё будет в порядке, милая, – говорит он. – Я не оставлю тебя надолго. Только оформлю документы.

Он осторожно обнимает меня и касается губами макушки. Лбом утыкаюсь в его твёрдую грудь. Аромат корицы приятно

щекочет ноздри.

– Боится, – говорит медикам, которые в ответ улыбаются, умиляясь.

– Мисс? – мягко зовёт медсестра, и я вздрагиваю, когда её пальцы легко касаются моего плеча.

Рука Джека исчезает с моей талии, давая возможность хоть ненадолго почувствовать себя свободной.

– Пройдёмте со мной, мисс, – мягко, как с ребенком, говорит медсестра. – Всё будет хорошо.

Конечно, будет. Если мужчина, которому в буквальном смысле заплатили за меня, отправится в ад.

– Нам нужно закончить с формальностями, – доносится голос администратора от стойки.

– Конечно, – спокойно отвечает Джек. – Вам нужно её удостоверение?

Я ощущаю его взгляд у себя на затылке и, оборачиваясь, встречаюсь с ним. Всего на секунду с него слетает маска заботливого, любящего мужчины, обнажая его истинную сущность – хищник, холодный и безжалостный. Ему не нужны слова. Я все понимаю и так – без глупостей.

Конечно. Ведь именно это я и собиралась сделать – бежать в гребанную пустыню без денег и машины, с кровоточащей дырой в руке. И умереть через пять миль от жажды или сепсиса. Я еле сдерживаюсь, чтобы не фыркнуть себе под нос, но он это замечает.

– Я скоро, милая, – говорит он вслух, словно это должно

меня утешить, но я—то знаю — это предупреждение.

Медсестра берёт меня за плечи, увлекая за собой. Я не сопротивляюсь — мне физически необходимо хоть немного побыть подальше от Джека гребенного Портера.

Кабинет оказывается меньше, чем я ожидала. Узкий, маленький и слишком белый. кафельные стены давят на нервы, отчего боль в плече становится сильнее. Из большого окна льётся дневной свет, но толстые железные прутья превращают его в насмешку. На секунду мне кажется, что я уже не в больнице, а в камере. За спиной тихо щёлкает дверь, но в моём перепуганном воображении этот звук подобен лязгу тюремного засова.

— Присаживайтесь, — говорит медсестра, указывая на кушетку.

Осторожно сажусь, стараясь лишний раз не тревожить рану, но боль всё равно адская. Кажется, что кто—то режет мышцу изнутри огненными ножницами. Под пропитавшейся кровью повязкой настоящий пожар. К горлу подкатывает страх, прогоняя который жмурюсь.

Вдруг я начинаю гнить заживо? У меня инфекция. Ещё немного и к ней подключится некроз, а там уже и до гангрены не далеко. От одной мысли бросает в ледяной пот.

— Сейчас подойдёт доктор.

Я молча киваю и замечаю, настолько бледными и холодными стали кисти рук. Пальцы нервно подрагивают, и, чтобы успокоить, прячу их между коленями.

Джека нет.

Лучшего шанса для побега и представить сложно – никто не держит за локоть и не наблюдает за каждым движением. Если сказать, что мне нужно в уборную...

Но нещадно ноющая рука ставит крест на плане в самом зародыше. Нет, пусть сначала меня осмотрит врач и скажет, что мне не грозит ампутация.

Дверь открывается без стука. В кабинет уверенной походкой входит мужчина лет пятидесяти с усталым лицом и внимательным взглядом. Белый халат сидит на нём идеально, хотя ткань уже успела потерять новизну, как и всё в этой больнице.

– Добрый день, – приветствует он. – Доктор Хейл.

Я коротко киваю.

– Здравствуйте... Я Лили, – к собственному удивлению, голос звучит ровно.

Доктор подходит ближе. Его взгляд сразу падает на пропитавшийся кровью бинт.

– Посмотрим, что у нас здесь.

Медсестра становится рядом и осторожно берётся за край повязки.

– Будет неприятно, – предупреждает она.

Я снова молча киваю. Похоже, сегодня это мой главный способ общения.

Бинт начинают медленно разматывать. Он отлипает с трудом, намертво присохнув к ране. Вместе с каждым сантимет-

ром ткани плечо будто разрывают заново. Боль тянет глубоко под кожей, заставляя всё тело напрячься. Я крепко стискиваю зубы и закрываю глаза.

Доктор наклоняется ближе.

Я чувствую на плече его сосредоточенный взгляд.

– Рана глубокая, – говорит он после короткой паузы.

Края неприятно стягивает, обжигая резкой болью. Снова проступает кровь, вызывая новый приступ дурноты. Приходится дышать глубже и смотреть в противоположную сторону.

– Больно? – спрашивает доктор, не отрываясь от осмотра.

– Терпимо, – отвечаю я.

– Когда это произошло?

– Сегодня. Несколько часов назад.

– Чем поранились?

– Гвоздь, – выдыхаю.

– Где именно? – уточняет он.

– За городом.

Выпрямляясь, хмыкает и наконец смотрит мне в лицо.

– Прививку от столбняка помните, когда делали в последний раз?

– Не уверена.

Доктор кивает.

– Понятно, – говорит он. – Сколько времени прошло с момента травмы?

– Около четырёх часов.

- Кровотечение? – продолжает он.
- Сначала, – говорю я. – Потом остановили.
- Рану обрабатывали?
- Да, антисептиком.
- Озноб? Головокружение?
- Нет.
- Хорошо.

Доктор отворачивается к столику, и в кабинете становится тихо. Медсестра сбоку позвякивает чем-то стеклянным. Никто на меня не смотрит. Я медленно возвращаюсь взглядом к окну с толстыми, вросшими в рамы решётками, задерживаясь на них.

Тюрьма.

Не киношная, а самая настоящая – с каменными стенами, запахом чужих тел и правилами, которые не пишут на бумаге. В воображении сами собой рисуются грязные коридоры, в сравнении с которыми мой сегодняшний ночлег покажется райским. Соседками по камере будут реальные преступницы, совершившие реальные преступления.

От этой мысли прошибает озноб, хотя в кабинете тепло.

Там помощи ждать будет неоткуда в случае, если меня решат устранить окончательно.

Горло сжимается.

В этом страхе есть что-то животное. Я вдруг со всей ясностью осознаю, что, если не сделаю ничего сейчас, другого шанса может и не представиться. Я без наручников впервые

за несколько часов.

Но стоит пошевелиться, и плечо пронзает пульсирующей болью. Перед глазами мелькает ржавый гвоздь, глубоко врезавшийся в кожу. Я физически ощущаю размножающиеся в ране бактерии. Им плевать на суд, на угрозу моей свободе. Инфекция сожрет меня и не подавится.

Заставляю себя сидеть неподвижно, делая вид, что в моей голове только что не мелькали мысли о побеге, что я просто Лили, обычная девушка, которая просто поранила плечо и теперь терпеливо ждёт помощи.

Доктор отворачивается к металлическому столику, протирает перчатки жидкостью, резко пахнувшей спиртом.

Я наблюдаю за каждым его движением.

Он продолжает негромко объяснять, что собирается делать дальше, но слова проходят мимо, долетая лишь отдельные фразы.

– ...придётся накладывать швы.

Швы. Портер говорил, но я не думала, что всё действительно настолько плохо. Меня передергивает. Перед глазами возникает игла, пронзающая кожу, тонкая нить, медленно проходящая сквозь рану. Желудок неприятно сжимается. Меня снова начинает мутить.

– Сейчас поставим обезболивающее, – предупреждает доктор.

Я автоматически киваю и поспешно отворачиваюсь к стене, цепляясь взглядом за тонкую трещину в белой краске,

как за спасительную соломинку.

Ну что я за трусиха?

Игла входит в кожу, и я вздрагиваю, комкая пальцами джинсы. Всем сердцем ненавижу уколы. По плечу начинается медленно расползаться горячая волна. Она вытесняет боль, оставляя вместо неё тяжёлое, непривычное онемение. Боль не исчезает сразу. Она меняет форму, становясь глухой и далёкой.

Дверь бесшумно открывается, и мне ненужно оборачиваться. Я и так знаю – он здесь.

Портер входит тихо. Я чувствую его присутствие так же отчётливо, как раньше чувствовала его руку на талии. Останавливается сбоку, чуть позади. Шепотом спрашивает у медсестры, всё ли в порядке, а та кивает, успокаивая почему-то его. Я встречаюсь с его изучающим взглядом. Он проходится по моему лицу, задерживается на плече.

Доктор тем временем берет дугообразную иголку.

– Сейчас начнём, – говорит он. – Постарайтесь не двигаться.

Я снова отворачиваюсь и плотно сжимаю веки. Где-то в глубине души до сих пор живёт совершенно детская вера: если не смотреть, будет не так больно. Глупость, конечно, но цепляюсь за неё из последних сил. Сердце колотится и, кажется, вот-вот выпрыгнет через горло.

Мне по-настоящему страшно.

В этот момент чья-то ладонь осторожно накрывает мою.

Я вздрагиваю, но не пытаюсь отдёрнуть руку.

Портер.

Его ладонь тёплая, большая, уверенная.

– Дыши, – шепчет он и повторяет это слово ещё несколько раз.

Всего одно слово и что-то внутри неожиданно отпускает. Страх никуда не исчезает, но перестаёт душить. Дыхание постепенно выравнивается, а сведённые напряжением пальцы сами начинают расслабляться.

Я ненавижу это чувство.

Ненавижу, что рядом с ним становится спокойнее. Ненавижу, что моё собственное тело снова принимает решение за меня.

Иглу я всё равно чувствую, но уже не хочется грохнуться в обморок. Боль отступает куда-то на задний план, и только спустя несколько секунд я понимаю, что сама крепко сжимаю ладонь Портера.

Глава 7. Правила этикета

Глава 7

Правила этикета

Джек Портер

К тому моменту, как мы въезжаем в следующий городок, злость не проходит – она настоялась и бурлит внутри, отдаваясь тупой пульсацией в висках. Игнорировать её не получается. Не отвлекает даже блеклый пейзаж, медленно проплывающий за окном.

Дорога тянется через одну широкую улицу, по обе стороны которой стоят приземистые здания с плоскими крышами, облупившимися стенами и окнами, зашторенными от посторонних взглядов. Перекошенные пальмы с редкими пучками листвы, изголодавшимися по воде, растут вдоль дороги вперемешку с кустами, выжженными солнцем до цвета слоновой кости. Впереди мигает вывеска мотеля и выцветший биллборд с надписью «Распродажа» рядом с местным супермаркетом.

Мы едем с максимально допустимой скоростью – двадцать пять миль в час, – но по ощущениям ползём, как грёбаная улитка. Здесь всё медленное, будто время застыло ещё в девяностых.

Смотрю на потрескавшийся асфальт и думаю – если бы

не эта чёртова остановка в медпункте, мы были уже далеко отсюда.

Ты гребанный идиот, Портер. Нет, хуже – ты тупой дегенерат, решивший сэкономить пару лишних часов.

Считал себя самым умным? Да ты сраный гений, возомнивший себя долбанным актером! Ведь спектакль на репетиции был так необходим! Ты так хотел быть чёртовым профи, что вжился в роль с такой самоотдачей, что твоё собственное тело поверило в эту ложь.

Рука всё ещё помнит прикосновение к её талии, а тело свою собственную реакцию на неё. Помнит внезапный выброс адреналина и электрический разряд, без спроса прокатившийся по мышцам. Оно решило всё за меня.

Чёрт возьми...

Это было не желание, а инстинктивный, лишённый смысла отклик, вызванный близостью чужого теплого тела с чересчур манящими изгибами, которые хотелось ласкать.

Вот за это и хотелось врезать самому себе.

Потому что профессионалы так не делают.

Ладонь вновь обжигает воспоминанием о том, как её пальцы сжали мои, когда я держал её, пока врач делал свою работу. Как я мог позволить себе забыться и жалеть её?

Жалость – отвратительное чувство. Она не помогает решению задачи и не делает тебя лучше. Она только еще больше всё усложняет. Я не должен был её чувствовать. Не должен был прикасаться. Я должен был пригласить шерифа и

оформить всё как положено, а вместо этого повёл себя как дурак.

Я стискиваю руль. «Шевроле» ровно катится по улице мимо закусочной, обещающей домашний пирог, и магазина, торгующего всем и ничем одновременно.

Бэмби сидит рядом, глядя в окно. Молчит. Но это молчание как воздух перед грозой. Наручники на её запястьях поблёскивают в закатном свете как напоминание о том, кто она и какие границы я перешёл. На фоне тихо работает моя любимая радиостанция с историческими подкастами, которые обычно помогают мне держать голову холодной. Но сейчас я совсем не слышу, о чем говорят ведущие. Я слишком занят тем, что мысленно возвращаюсь к одному и тому же вопросу.

Зачем?

Чтобы сэкономить время? Ложь.

Чтобы облегчить ей участь? Какая чушь.

Значит, причина была во мне. В моём внезапном, идиотском, непрофессиональном желании... не видеть её униженной на людях. Подарить ей хотя бы иллюзию достоинства в тех стенах. Сыграть в спасителя.

Именно этого она и ждёт – чтобы я дал слабинку.

А я сижу и думаю, как чертовски приятно было чувствовать её пальцы в своих.

Бэмби что-то бормочет себе под нос, не отрывая взгляда от окна. Слов я не расслышал – уловил только резкую волну раздражения, от которой в салоне внезапно становится

теснее. Вдаваться в подробности я не стал: в её состоянии злиться нормально. Боль, швы, наручники – мало кто после такого сохраняет доброжелательность.

Через пару секунд она коротко фыркает с тем самым сарказмом, который означает желание сказать вслух гораздо больше, чем можешь. Я и на это молчу. Реакции только подкармливают подобные вещи.

Радио продолжает бубнить.

– ...в викторианской Англии правила этикета помогали поддерживать порядок и социальную иерархию...

Фраза глухо звучит где-то на краю сознания и тут же тонет в шуме дороги. Обычная историческая справка, но Бэмби раздражённо прыснула, вызвав во мне легкий укол недоумения. Что именно её так задело? Безобидный скучный подкаст?

– ...особенно это касалось женщин, от которых ожидалась сдержанность, скромность и полное доверие к мужчинам...

– Как мило, – сюсюкает Бэмби.

Игнорирую, но негодование внутри сгущается. Она будто нарочно пытается выбить меня из равновесия. Злится не на радио, я это чувствую, но понять, на что именно, не могу. Если она и дальше продолжит в том же духе, эти десять дней дороги до Нью-Йорка вполне могут превратиться в мой персональный ад.

– ...женщина не имела права спорить с мужчиной и долж-

на была принимать его решения...

– Переключи эту ерунду, – говорит она.

– Нет.

Идти у нее на поводу? Ну, нет, Бэмби. Ты и так на пассажирском, а не заднем сидении за решеткой. Моя уступчивость превзошла все мыслимые границы.

Она демонстративно закатывает глаза и цокает языком. Я сцепляю зубы. Радио издевательски продолжает:

– ...женщина должна была вести себя скромно, избегать резких высказываний и помнить о своём месте...

– Ты, наверное, согласен, – бросает Бэйби, не глядя на меня.

Я молчу, чтобы не сказать лишнего.

– Конечно, согласен, – продолжает она. – Это же так удобно. Всегда можно рассказать женщине, что ей положено, а что нет. Экономит время и нервы.

Моё раздражение растёт. Я не разделяю этот викторианский бред. Никогда не разделял, но сейчас мне было бы куда проще, если бы она просто заткнулась. Желательно сама, но и кляп подошёл бы идеально.

– Должно быть, тебе нравится, – не унимается она. – Законно проявлять власть. Всё по правилам. Значок, бумажки, наручники... и никаких сомнений, никаких угрызений совести. Так надо! – косится на меня. – И ты, конечно, веришь в это.

Злость нарастает, начиная медленно клочкотать.

– А что дальше? Просто сдашь меня и даже не задумаешься? Эй! А может она невиновна? А? Может её подставили, потому что она увидела то, чего видеть не должна была?

– Замолчи.

Но вместо нее продолжает радио:

– ...мужчина обязан был нести ответственность за женщину, находящуюся под его опекой...

Сабрина резко и сухо смеётся.

– Ну да, – говорит она. – Ты же несёшь за меня ответственность.

Кивает на свои запястья.

– Наручники, конечно, исключительно ради моей безопасности.

Я стискиваю челюсти так, что начинает ныть в висках, но молчу. Она поднимает руки и машет наручниками у меня перед глазами, звякая.

– Вряд ли это входило в этикет викторианской эпохи, – добавляет она. – Это ты уже сам выдумал. Творческий подход.

– Наручники – правило, – говорю я жёстко. – Ты преступница, Бэмби.

– Правила? – усмехается она. – Узколобый солдафон. Всё по уставу, да?

– ...физический контакт на публике допускался лишь в строго определённых формах... – добавляет масла в огонь радио.

– Кстати о контакте, – говорит она. – Там, на ресепшене всё точно соответствовало викторианским нормам?

Я бросаю на неё короткий взгляд и натыкаюсь на острую, вызывающую ухмылку. Становится противно. В первую очередь – от самого себя. Я хочу стереть тот момент из памяти. Вычеркнуть. Сделать вид, что его не было. И не только потому, что он неправильный. А потому, что где-то глубже, в той части меня, которая никогда не участвовала в принятии разумных решений, возникает другое желание – повторить.

Её злость, блеск в глазах, манящий рот, который не затыкается ни на секунду – всё это снова бьёт по нервам, вызывая вспышку чистого, инстинктивного импульса – заставить замолчать самым примитивным способом.

Поцелуем.

Мысль вспыхивает и тут же вызывает отвращение, потому что она означает только одно – потерю контроля. Я отворачиваюсь к дороге, сцепляю зубы сильнее и стараюсь держать себя в руках.

Бэмби молча ждёт, и когда ответа не следует, издаёт едкий, протяжный вздох, полный театрального разочарования.

– Жаль, – тянет она. – Ты, конечно, не всем нормам викторианского этикета следуешь. Хотя, судя по всему, тема контроля и подчинения тебе очень близка.

– ...при этом искренность считалась высшей формой вежливости и уважения к собеседнику... – подхватывает радио, и его невозмутимый голос звучит теперь как прямая насмеш-

ка.

Бэмби нарочито громко хохочет, резко хлопая в ладоши.
– О, ну надо же! – восклицает она с фальшивым восторгом. – Вот оно где, твоё оправдание! Это была вежливость! Держать меня за руку, успокаивать... Боже, да ты просто джентльмен! Настоящий образец чёртовой вежливости! А я–то думала, ты просто ищейка. Оказывается, ты добряк.

Что–то внутри меня срывается с предохранителя, заставляя руку потянуться к панели и вдавить кнопку, переключающую радиостанции. Статичное шипение заполняет салон.

– Эй! – её протест вспыхивает мгновенно. – Мне вдруг стало интересно!

Её быстрые, цепкие пальцы возвращают подкаст. Я слежу за дорогой, не глядя на Бэмби, и тянусь к радио, но она отталкивает мою руку. Подавив раздраженное дыхание, я возвращаюсь к кнопке, хлопая её по пальцам, когда она снова пытается помешать. Бэмби ворчит что–то неразборчивое, морщась – я вижу это краем глаза. Бьёт меня по тыльной стороне ладони, снова переключаясь на викторианский этикет. Мой гнев всё же прорывается сдавленным горловым хрипом.

Надо просто заткнуть это чёртово радио.

Короткий удар по панели с кнопками, и ведущие наконец прекращают свой зудящий треп, погружая салон в тишину, в котором слышится только рокот мотора. Проклятый светифор загорается красным, вынуждая ударить по тормозам. Бэмби, взвизгнув, дернулась вперёд, едва не впечатываясь

головой в приборную панель. Выпрямившись, пронзает меня взглядом, наполненным такой лютой ненавистью, что — я уверен — могла бы, убила. Я отвечаю тем же — очень уж она действует на нервы.

Её пухлые, подсохшие губы дрогнули. Она щурится и резко подаётся вперёд, нажимая на какую-то кнопку на приборной панели. Разблокировала дверь, чёрт её дери! Дергает за ручку, на долю секунды распахивая дверь и впуская в салон поток вечернего воздуха. Инстинктивно хватаю её за локоть и усаживаю обратно, с силой захлопывая дверь. Отстегнувшись, нависаю над ней, пригвождая взглядом к спинке сиденья и замирая. Она тоже не двигается. Только несколько раз испуганно моргает. Расстояния между нами почти не остаётся. В салоне воцаряется оглушительная тишина, в которой слышно её сбившееся дыхание. Я чувствую его у себя на щеке. Оно тёплое, непозволительно притягательное. На мгновение теряю голову, глядя в тёмно-карие глаза, ставшие почти чёрными.

Я хочу её. Острое желание зарождается в паху и пронзает каждую клетку, но я не тороплюсь отстраняться. Даю нам обоим прочувствовать эту близость. Это неправильно, непрофессионально, но сейчас мне плевать. Медленно изучаю её лицо — бледная кожа кажется мягкой наощупь, ноздри нервно дрожат, втягивая воздух, тёмные, расширенные зрачки поглотили радужку, но в их глубине всё ещё тлеет тот самый вызов, теперь смешанный с животной осторожностью

и отражением моего собственного желания.

Она выглядит не просто испуганной или злой. Она выглядит опасной, запретной и безумно соблазнительной. Именно такой, какой сейчас быть не должна. И мы оба это знаем.

– Слушай сюда, – я не повышаю голоса. – Следующие десять дней ты молчишь. Это первое.

Она собирается что-то сказать – я чувствую это ещё до того, как она открывает рот.

– Не перебивай. Это не обсуждается. Второе. Ты ничего не трогаешь. Музыку, подкасты или даже тишину выбираю я. Мне глубоко до лампочки, интересно тебе или нет.

Бэмби щурится, с отвращением кривя губы.

– Третье – никаких попыток бежать. Иначе – поверь мне – последствия тебе не понравятся.

От ее ядовитой усмешки сводит скулы, но я не отвожу взгляд и ни на миллиметр не отстраняюсь. Тянусь к её скованным наручниками запястьям.

– Это, – подхватываю пальцем цепь, – не из-за моей любви к контролю, а потому что ты преступница. Ты нарушила закон.

Я достаю ключ из кармана. Щёлк. Одно запястье свободно. Прежде чем она успевает понять, я перехватываю её руку и пристёгиваю браслет к ручке двери. Бэмби медленно переводит взгляд вниз, на свою руку и дёргает ею.

– Сукин сын... – сквозь зубы выдыхает, глядя на меня, но вызывает только снисходительную усмешку.

– И последнее – больше никаких провокаций. Делаешь то, что скажу. Говорю есть – ты ешь. Говорю спать – ты спишь. Открываешь рот, когда я тебе скажу.

– А в туалет мне тоже по твоему приказу ходить?

– Никакого сарказма. Всё понятно?

Она упрямо вздернула подбородок.

– Всё понятно?

Медленно, будто это причиняет физическую боль, она кивает.

– Умница, – говорю я, и мой взгляд сам собой падает на её губы. Мне вдруг дико, до боли хочется узнать, каковы они на вкус. – Нарушишь правила – и я перестану быть вежливым.

Желание сжать пальцы на её подбородке, стереть эту дерзость с губ поцелуем, коснуться её острого языка своим и показать, кто здесь главный, накатывает волной, раскаляя лёгкие. Я резко отстраняюсь, возвращаясь на своё место. Кладу руки на руль и вдавливаю педаль газа, трогаясь с места.

Контроль? Если я сделаю то, чего мне хочется, контроль пойдет к чёрту вместе с самообладанием.

Глава 8. Ночь №1

Глава 8

Ночь №1

Сабрина Ричардс

В мотель на границе Калифорнии и Невады мы прибыли глубоко за полночь, когда дорога стала окончательно растворяться в темноте, а редкие фары проезжающих мимо машин напоминали одиноких призраков. Дневная жара спала, оставив после себя легкий сухой аромат выжженной пустыни.

Я валюсь с ног от усталости, а затекшие мышцы изнывают от бесконечного сидения в тесном пространстве, поэтому с облегчением выдыхая, стоит Портеру припарковаться. Это значит, мне не придется спать, скрючившись на пассажирском сидении. Хотя какая-то передышка. Хотя бы на пару часов.

Глухой стук захлопнувшейся двери номера за моей спиной звучит оповещением – бежать некуда. Но я так вымотана, что просто хочу вытянуться на кровати, ощутив под собой мягкий матрас.

Замерев у самого порога, оглядываюсь без особого энтузиазма. Номер оказывается неожиданно приличным. Не вау, конечно. Ему далеко даже до трех звезд, но и не тот клоповник, в котором я ночевала вчера. Здесь хотя бы чисто.

Две кровати стоят параллельно, аккуратно заправленные одинаковыми покрывалами бежевого цвета. Между ними узкая тумбочка с лампой, пережившей как минимум одну нервную поломку выключателя, судя по оплавленному проводу. У стены напротив простой деревянный стол, с придвинутым стулом. На привинченной к стене полке разместился пузатый телевизор, какой я видела только у своей бабули в далеком детстве.

Тяжело вздыхаю, и дёргающая боль отдаёт в плечо со свежими швами.

– Ого, – усмехаюсь я. – Без тараканов. Решил шикануть, Портер?

Но он, разумеется, молчит. Даже не смотрит в мою сторону, проходя вглубь номера. Оглядывается по сторонам, напряженно хмуря густые темные брови, будто ожидает, что из-под кровати сейчас выскочит вооруженный до зубов псих. Беглым взглядом обшаривает помещение, останавливаясь на окне со старой деревянной рамой. Подойдя ближе, проверяет затворный механизм. Судя по короткому кивку, тот Портера устраивает. Осмотрел углы. Искал, должно быть, потайные ходы или люк в Нарнию.

Делаю ещё пару шагов внутрь, чувствуя, как ноет рука под повязкой, и криво улыбаюсь.

– Две кровати, – замечаю я. – Как мило. Значит, викторианская мораль всё-таки победила.

Он бросает на меня короткий предупреждающий взгляд.

Все-таки он слышит меня, и я его раздражаю. Почему-то это радует, и я отвечаю самой вежливой улыбкой из возможных. В рамках текущих обстоятельств, конечно.

В том, как он хмыкает, слышится такое высокомерное превосходство, что у меня внутри всё сжимается в один тугой узел. Его оценивающий взгляд скользит с меня на одну из кроватей – ту, что ближе к стене. На *мою*, как он уже без слов постановил.

– Серьёзно? – вырвалось у меня, стоило заметить, как придирчиво он изучает безобидный предмет интерьера. – Что, ты думаешь, я с ней сделаю? Разберу на части и сделаю из неё оружие?

Не произнеся ни слова, Портер шагнул ко мне, и прежде, чем я успела отреагировать, его твердые, неумолимые пальцы обхватили мой локоть. Не больно, но и не оставляя выбора. Одним плавным, непререкаемым движением потянул за собой и усадил на край кровати. Жест был настолько быстрым и уверенным, что я села на матрас больше от неожиданности. К горлу подступила бессильная ярость.

Его внимание привлекло железное изголовье. Он ухватился за него и рванул на себя изо всей силы. Я не смогла не заметить, как при этом тонкая ткань футболки обрисовала рельеф его спины, как напряглись мышцы у него на плечах, и как вздулись вены на предплечьях.

Я отворачиваюсь – *нельзя, Сабрина, нельзя смотреть на него. Он не просто мужчина. Он тот, кто погубит тебя.*

Он здесь для этого.

Портер снова дёргает спинку кровати, потом ещё и ещё раз, пока болты не начинают жалобно скрипеть. Его действия выглядят настолько абсурдными, что я не выдерживаю и закатываю глаза.

– Очаровательно, – бормочу я. – Просто образец заботы о постояльцах.

Злость медленно разливается под кожей. Я молча смотрю, как Портер достаёт наручники и пристёгивает один браслет к моему запястью, а другой – к хромированной перекладине. Делает он это с показной аккуратностью, которая в тысячу раз унижительнее грубости.

Портер ещё раз обходит комнату, повторно осматривая все замки. Затем берет наши дорожные сумки и перекидывает через плечо, направляясь к чуть приоткрытой двери ванной. На мгновение задерживается, тяжело смотрит в мою сторону.

– Не делай глупостей, Бэмби, – предупреждает он со стальными нотками в голосе, а потом разворачивается и скрывается в ванной, аккуратно прикрывая за собой дверь.

Комната внезапно пустеет, будто я на всём свете вдруг осталась одна в полной давящей тишине. Сидя прикованной к кровати, я без надежды смотрю на входную дверь. Она так близко и одновременно так далеко, что хочется кричать от досады.

Из ванной доносится приглушенное шуршание и тихий

стук ботинок, сброшенных на пол. Молния на сумке расстегивается. Босые ноги шлепают по голому кафелю. Воображение рисует Джека Портера, медленно стягивающего футболку и лениво отбрасывающего её в сторону, его дерзкую улыбку из кафе и мягкое прикосновение руки к моей.

Я зажмуриваюсь так, что сводит веки.

Что ты делаешь, Сабрина Ричардс?

Нелепое, постыдное, неловкое и безрассудное желание горячеей, щекочущей волной растекается внутри, перехватывая дыхание. Как там, в машине, когда я чуть не сбежала. Уму непостижимо! Я его пленница, прикованная к кровати, сижу здесь и жадно ловлю каждое движение, пока он раздевается. Унизительно до дрожи. Но лицо горит. Сердце в груди сладко ноет.

Успокойся, Ричардс, у тебя слишком давно не было мужчины. Дело в этом.

Звук повернувшегося вентиля и шум воды из душа, подстегнул разыгравшуюся фантазию. Вода тонкими струйками стекает по обнажённой груди грёбанного Джека Портера у меня в голове, ползёт вниз по рельефному торсу, и мне приходится закусить губу, чтобы ощущение боли заглушило этот предательский, сладкий жар внизу живота.

Я ненавижу себя в эту секунду. Ненавижу его. Ненавижу свою слабость больше, чем наручники.

Великолепно, Сабрина. Для полного счастья тебе не хватает только стокгольмского синдрома. Дура!

Тяну руку. Цепь издевательски звякает. Дышу нарочито медленно и глубоко, с каждым выдохом пытаюсь вытолкнуть из головы навязчивые образы и вернуть контроль хотя бы над собственными мыслями.

Чёрта с два.

Шум воды за стеной превращается в назойливый фон. Он ползёт в уши, заполняет пространство, вытесняя пустоту. Каждый всплеск кажется чересчур интимным. Я будто подглядываю в замочную скважину.

Сжимаю кулаки так, что браслет наручников впивается в кость. Отчетливая, тупая боль возвращает в реальность, напоминая, где я, кто я – прикованный зверёк. И кто он – тот, кто держит поводок.

Проходит минута. Может, две. Может, десять – время в этом номере ведёт себя странно. Я моргаю и понимаю, что замерла, вцепившись в край матраса, и замерла – то не от страха, а... от ожидания. Я жду, когда он выйдет. Жду продолжения этого нелепого, унижительного спектакля.

И когда вода внезапно умолкает, в животе проваливается горячая лава. Комната вновь погружается в тишину, струной натянутую перед тем, как лопнуть. Поднимаю голову и вижу, как дверь ванной плавно распахнулась, впуская в комнату аромат мужского геля для душа. Портер вышел в одном полотенце, небрежно обмотанном вокруг узких бёдер. Капли воды поблескивают на смуглой коже в тусклом теплом свете. Он оказался таким, каким я его и представляла – сухим и

подтянутым, с узловатым мышцами и кубиками пресса. Волосы, тёмные и мокрые, беспорядочно спадают на лоб и виски. Эта небрежность делает его ещё притягательнее.

Сосредоточенный взгляд каре-зелёных глаз нашёл меня в полумраке комнаты. На секунду всё останавливается. Воздух в номере сгущается. Я сама не замечаю, как сглатываю, борясь с желанием скользнуть взглядом вниз по мокрой коже до линии полотенца. Стыд в висках отбивает неистовую дробь.

Я не выдерживаю первой и отворачиваюсь, делая вид, что Портер не произвел на меня впечатления, но выдаёт прилившая к щекам кровь. Он цедит ругательства сквозь зубы и захлопывает дверь, оставляя меня сидеть, уставившись на свои пальцы. Только потом вдруг до меня доходит, что всё это время я и не дышала нормально.

Портер появляется через несколько минут одетый в свежую футболку и джинсы, но с босыми ногами и с все так же взъерошенной копной волос. Заставляю себя глубоко вдохнуть и выпрямить спину, вскинув подбородок.

Больше никаких фантазий – правило номер один для выживания рядом с Джеком Портером.

– Как рука? – безразлично спрашивает он.

В ответ пожимаю плечами, но сразу жалею об этом.

– Нормально, – вру.

Рана безжалостно пульсирует, но я скорее откушу себе язык, чем снова покажусь ему слабой.

Портер щурится, сканируя взглядом моё лицо.

– Подумай хорошенько.

– Я же сказала – нормально.

– Отлично, – кивает он. – Хотел предложить обезболивающее, но раз всё нормально – окей.

Вот же бессовестный, чёртov...

Собираюсь отпустить ядовитый комментарий в адрес Портера, но вдруг обнаруживаю его рядом и отшатываюсь. Резко проворачивает ключ в наручнике, освобождая моё запястье. Я автоматически растираю кожу, но Портер не даёт мне опомниться – снова хватает под локоть.

– Идём, – тянет меня за собой. – Приведи себя в порядок. И без глупостей.

– Конечно, я ведь специализируюсь на глупостях!

– Не стану спорить.

– Не обязательно меня все время таскать за собой. Я не тряпичная кукла и прекрасно могу ходить сама, – спорю, но иду за ним без сопротивления.

– Правило номер один, Бэмби. Молчание.

– Засунь свои правила себе...

Джек не дает договорить, закрывая дверь перед моим носом. Я остаюсь одна. Слишком тесная ванная не дает спрятаться от собственных мыслей. Теплый воздух пропитан паром и чужим запахом. Его запахом. Чистым, резким, с едва уловимой горько-древесной нотой геля для душа, который он только что использовал.

Меня передёргивает.

Первой вспыхивает острая, спасительная злость. Делаю шаг к раковине, хватаюсь за край и глубоко вдыхаю, с ужасом понимая, что это ошибка – аромат Джека Портера всё ещё тут. Он льнёт к коже, забивается в поры, окутывая голову пьянящей дымкой. То, что я так старательно пыталась побороть пару минут назад, медленно и настойчиво возвращается.

Нет–нет–нет.

Я поднимаю взгляд на зеркало и на секунду не узнаю женщину, которая смотрит на меня в отражении. Эти искорки в глазах не мои. Раскрасневшиеся щёки и неровное дыхание... Это не я! Я никогда не теряла самообладания из-за мужчины, не позволяла инстинктами взять верх. Никогда не думала, что такое вообще возможно!

Что со мной?

Я грубо срываю с себя одежду, бросаю на пол. Нужен холодный... нет, ледяной душ. Срочно остудить разгоряченную кожу, пока не наделала глупостей. Выкручиваю до предела вентиль и чуть не вскрикиваю, когда струи обрушиваются на меня обжигающим холодом. Резко вдыхаю, но навязчивые мысли не дают покоя.

Всего несколько минут назад он стоял здесь. Полностью обнаженный.

Я зажмуриваюсь, но это не помогает. Воображение услужливо дорисовывает детали: пар, вода, стекающая по спине. И

от этого становится только хуже. Намного.

Чёрт.

Я стискиваю зубы и делаю то, что обычно для меня невыносимо – тороплюсь. Моюсь быстро, избегая лишних прикосновений к своему собственному телу, позорно капитулировавшему.

К дьяволу чистоплотность! Да здравствует здравый смысл!

Я должна держаться как можно дальше от всего, что связано с Джеком Портером.

Наконец перекрываю воду и хватаю полотенце. Сердце колотится слишком быстро, никак не желая успокаиваться. Медленно выдыхаю, промакивая кожу мягкой махровой тканью, и понимаю, что больше всего сейчас злюсь на себя.

Прекрати думать о нём, Ричардс!

Стоит увидеть, что мне оставил Портер, чтобы переодеться, из груди вырывается полный обречённости стон. Любимая пижамка с милым медвежонком Тедди на груди и шортами в горох. Только есть одна малюсенькая проблемка – она обтягивает как вторая кожа и не оставляет простора для воображения. Он точно надо мной издевается! Если бы у меня был хоть какой-то выбор, я бы без раздумий натянула спортивные штаны и огромную, растянутую футболку, в которой можно спрятаться целиком.

Но выбора нет.

Конечно, можно попросить Портера принести что-нибудь

другое – более длинное, бесформенное и максимально закрытое. Но тогда не решит ли он, что мне не всё равно, как я выгляжу в его присутствии?

Что я вообще думаю о том, куда он смотрит?

Ну уж нет. Ни за что. Хватит с него и без того поводов самодовольно ухмыляться. Пусть даже не догадывается, что рядом с ним моё собственное тело начинает вести себя совершенно не так, как мне хотелось бы.

Возвращаясь в комнату, нахожу Портера лежащим на кровати с закинутыми за голову руками и прикрытыми глазами. В полумраке его профиль кажется ещё более волнующим, а лёгкая прохлада добивает окончательно – тонкая футболка обрисовывает затвердевшие соски. Хочется прикрыться, но вместо этого вздёргиваю подбородок, притворяясь, что дело не в моём омерзительном соседе, а в перепаде температуры.

Стоит мне переступить порог ванной, как Портер открывает глаза. Его взгляд метнулся к мишке Тедди, но сразу же возвращается к моему лицу.

Хочется подойти и хорошенько стукнуть его чем-нибудь тяжёлым. Вместо этого молча прохожу к своей кровати. Матрас жалобно скрипит, когда я сажусь на самый край.

– Давай, – устало бросаю я, протягивая вперёд руки. – Надевай свои чёртовы наручники.

Молча пересаживается на мою кровать, почти касаясь коленом моего бедра, и застёгивает прикованный к спинке браслет.

– Покажи плечо, – говорит Портер.

– Нет.

– Бинт мокрый.

– Какая трагедия.

– Тебе нельзя мочить руку. Я должен убедиться, что с твоей раной всё в порядке.

– Не трогай меня!

Сердито вздохнув, Портер всё равно осторожно тянется к повязке и этим ломает остатки моего самообладания. Он и так слишком близко, тело и так хочет его слишком сильно, несмотря на доводы рассудка. Не хватало ещё его тошнотворных прикосновений! Замахнувшись свободной рукой, бью его, не разбирая куда. Боль прошивает собственное плечо. Я судорожно втягиваю воздух и непроизвольно всхлипываю.

– Просто отстань!

Портер мгновенно отдёргивает руку.

– Как скажешь.

Вернувшись в свою постель, Портер нажимает кнопку светильника. Комната погружается в темноту. Только узкая полоска уличного света упрямо пробивается сквозь неплотно задёрнутые шторы, разрезая пол и часть стены бледной серебристой линией. Я слышу, как Портер устраивается удобнее. Старый матрас тихо скрипит под его весом.

И я, наконец, позволяю себе пошевелиться. Отползаю назад, пока спина не касается шероховатой стены. Браслет на-

ручников тихо царапает металлическое изголовье, когда я подтягиваю прикованную руку к груди.

Так почему—то становится немного спокойнее.

Я сворачиваюсь клубком, утыкаюсь лбом в колени и крепко зажимаюсь.

Ненавижу Джека Портера.

Всем сердцем.

Так и сижу, прижавшись спиной к холодной стене, пока окончательно не теряю счёт времени. Чем дольше длится тишина, тем сильнее внутри закипает беспомощная ярость. Она ворочается под рёбрами, не находя выхода. Мне не на кого её выплеснуть. Разве что на саму себя.

Кажется, будто воздух вокруг звенит, как оголённый провод, готовый вспыхнуть от малейшего прикосновения.

В какой—то момент силы заканчиваются. Я сползаю по стене и ложусь на спину, бессмысленно разглядывая потолок, и вместе с этим слова, которые всё это время душили меня, наконец подступают к самому горлу.

Я знаю, что Портер, скорее всего, промолчит. Возможно, он давно уже спит.

Но продолжать молчать сама уже не могу.

— Портер.

Он ворчит что—то себе под нос и переворачивается на другой бок. Не спит.

— Ты когда—нибудь думал, что поступаешь неправильно?

Конечно, он меня игнорирует.

– Хотя бы раз сомневался, что полиция всегда права?

– Правило номер один, Бэмби, – отзывается он из темноты. – Ты молчишь.

– А что, если я и правда не виновата? – выдыхаю я, выплёскивая наружу то, что грызёт меня изнутри. – Что, если меня правда подставили?

– Да–да. Я это уже слышал. Не раз.

– А если нет?!

– Тогда судья разберётся.

– Судьи тоже ошибаются, – голос срывается на полуслове, и я тут же ненавижу себя за это. – Или их подкупают!

Он снова переворачивается. Я не вижу его лица, но даже в полной темноте чувствую, как от его кровати тянет волной-опасности.

– В материалах дела чёрным по белому написано – ты стреляла в офицера. Повезло, что не убила.

Я приподнимаюсь на локте, звякая цепью.

– Ты видел у меня пистолет? Я похожа на человека, который умеет стрелять?

– Хватит.

– Они подставили меня! Это на меня был направлен пистолет. Меня чуть не пристрелили! Ваш многоуважаемый шеф Виктор Ламберт, святой борец с коррупцией и гроза наркотрафика, и есть главный...

– Замолчи, – приказывает Портер, и от его голоса воздух в комнате будто вымерзает.

Встаёт с кровати и в два шага подходит ко мне. Он нависает, подавляя не просто опасностью, а самой настоящей яростью.

– Следующее слово – и я вставляю тебе в рот кляп, – говорит он, чётко выговаривая каждый слог. – Завтра длинный день, а ты мешаешь мне спать.

Я смотрю вверх, туда, где в темноте должно быть его лицо, и вдруг понимаю – страха нет. Как бы он ни пытался меня напугать, что бы ни говорил, я не верю, что Портер может сделать мне больно.

– Он их прикрывает, – шепчу я в темноту, уже зная, что это напрасно. – Ламберт. Он прикрывает тех самых наркоподонков, на которых якобы охотится.

Его ладонь грубо накрывает мне рот, вдавливая затылок в подушку.

– Правила существуют для того, чтобы их соблюдать. Молчание – одно из них.

Он убирает руку, но не делает ни шага назад. Замирает у кровати, и я слышу, как тяжело и прерывисто он дышит. В темноте этот звук кажется слишком громким. Я молча смотрю на его тёмный силуэт, почти неразличимый во мраке, и чувствую, как между нами повисает что-то невысказанное. Разговор окончен.

– Спи, – говорит он наконец и возвращается в кровать.

Глава 9. Похищенная

Глава 9

Похищенная

Сабрина Ричардс

Раскалённое солнце Невады выжигает последнее дыхание жизни из потрескавшейся глиняной почвы. Если в Калифорнии природа ещё отчаянно цеплялась за остатки влаги, то здесь она капитулировала окончательно. Воздух над асфальтом колыхается, сплавляя горизонт в обманчивое, грязное озеро, где едва проступают смутные очертания далёких гор.

Портер без лишних слов сворачивает к унылой заправке. Выцветшие американские флаги на высоких шестах бесильно хлопают на горячем ветру. Машина мягко притормаживает у свободной бензоколонки, неподалёку от приземистого магазинчика.

– Что будешь на обед?

Я удивлённо моргаю. С самого утра он не сказал мне ни слова – и вдруг решил поинтересоваться моими предпочтениями. Мне почти смешно.

– Без разницы.

– В туалет?

Я чувствую, как пересохшее тело ноет от жажды, как губы липнут друг к другу. Какой уж тут туалет.

– Нет.

– Отлично. Тогда сиди здесь. Я быстро.

– Как будто у меня есть выбор, – хрипло вырывается у меня.

Он бросает на меня короткий предупреждающий взгляд, открывая дверь. Ни раздражения, ни злости – только холодное напоминание о правилах. Портер выходит, не оглядываясь. Я провожаю его спину, облепленную вспотевшей футболкой, и через секунду он исчезает за стеклянной дверью магазина, а я остаюсь одна изнывать от духоты. Кондиционер сдался час назад, как и я, впрочем. Воздух тяжёлый, спёртый. Едкий запах горючего проникает в открытое окно и въедается в лёгкие.

Осторожно меняя положение, стараюсь не потревожить плечо. Под бинтом оно тупо ноет, но уже не так остро, как вчера. Наручники, прогретые за день, пристёгнуты короткой цепью к железной скобе под сиденьем. Ровно настолько, чтобы я могла двигаться, но не выйти. Чтобы чувствовать себя не человеком, а псом на привязи.

Передо мной заправка с несколькими потрёпанными машинами, здоровенный пикап с прицепом для лодки и люди. Свободные. Занятые своими маленькими, незначительными делами, которые сейчас кажутся мне роскошью космического масштаба.

Я чувствую взгляд не сразу.

Сначала – как лёгкое щекочущее ощущение между лопа-

ток. Не оборачиваюсь. На заправках всегда плятятся. Женщина одна в машине, без телефона в руках, без кофе – повод для праздного любопытства. Ничего необычного.

Проходит несколько секунд. Может, минута.

Ощущение не исчезает.

Я чуть поворачиваю голову, делая вид, что смотрю на дорогу, и краем глаза замечаю его отражение в боковом зеркале. Мужчина лет сорока в потертых джинсах и темной вытянутой футболке стоит возле пикапа через две колонки от нас. Руки на бёдрах, кепка надвинута на глаза. Смотрит прямо на меня, не таясь. Не отводит взгляд, когда я ловлю его.

Я тут же отворачиваюсь.

В груди неприятно сжимается. Сердце ускоряет ритм, но я заставляю себя дышать ровно.

Считаю до десяти и всё равно чувствую его. Снова смотрю в зеркало. Мужчина ещё там. Он уже не заправляется. Просто стоит, опершись на дверь пикапа, и внимательно смотрит, словно что-то подозревает. В этот раз я не сразу отвожу глаза. Он замечает это. Наши взгляды встречаются, и между нами возникает короткая, странная пауза. Он хмурится.

Вдруг остро осознаю, как выгляжу со стороны – бледная, с перевязанным плечом и сию так неподвижно, будто боюсь пошевелиться.

Я не похожа на преступницу. Я похожа на человека, которого держат насильно.

Мужчина делает шаг в мою сторону и тут же замирает.

Смотрит на магазин, потом снова на меня. Не как мужчина на женщину, а как человек, который видит, что что-то не так.

Он колеблется, и понимаю: нужно сделать хоть что-то. Портер в магазине. Между нами стекло, железная дверь и несколько метров раскалённого асфальта. Ещё минута, может две – и шанс испарится. Я опускаю взгляд на свои руки и на покрасневшую кожу под браслетом наручников.

Я должна попробовать.

Выпрямляюсь. Совсем чуть-чуть, медленно, будто мне больно двигаться. Так оно, в общем-то, и есть. Позволяю плечам опуститься, а подбородку – дрогнуть. Делать вид не приходится. Достаточно просто перестать держать лицо.

Я поднимаю глаза и снова ловлю его взгляд.

Через приоткрытые губы делаю неглубокий вдох, будто мне не хватает воздуха. Пусть увидит. Пусть сам додумает. Людям всегда проще верить тому, что они придумали сами. Он напрягается. Это заметно даже через стекло. На мгновение замирает, словно пытаясь понять, что со мной происходит, а потом всё-таки нерешительно подаётся вперёд.

«Давай же», – мысленно прошу я, чувствуя, как ладони становятся влажными.

Осторожно поднимаю руку – ту, что с наручником. Совсем немного. Цепь тихо звякает. Его взгляд впивается в моё запястье.

Есть.

Внутри всё сжимается в тугой узел. Я сглатываю и отворачиваюсь, изображая испуг. Ресницы, дрогнув, опускаются сами собой. Я ненавижу себя за это. Ненавижу за ложь, но ещё больше я ненавижу мысль о том, чтобы доехать до Нью-Йорка, не сделав попытки сбежать.

Это все ради выживания.

Шаги шуршат по асфальту. Я не сразу поднимаю голову. Жду. Считаю удары сердца.

Один. Два. Три. Тень падает на капот машины.

Он подошёл. Я медленно поднимаю взгляд, словно мне это даётся с трудом.

– Мисс... – он прочищает горло. – У вас всё в порядке?

Открываю рот и снова закрываю. Пауза выходит слишком длинной. Он озабоченно хмурится.

– Я не хотел напугать, но вы выглядите так, будто вам плохо.

Плохо. Да я в гребанном аду!

Я неловко киваю, изображая сомнения.

– Всё нормально, – выдыхаю я, и сама слышу, насколько это неправдоподобно.

Он не отходит. Вместо этого слегка наклоняется, пытаюсь заглянуть мне в лицо сквозь стекло.

– Вы уверены? – спрашивает он мягче. – Вам не нужна помощь?

Я чувствую, как внутри всё сжимается. Времени почти нет. Облизываю пересохшие губы и наконец решаюсь.

– Нет... – шепчу я, бросая испуганный взгляд в сторону магазина. – То есть... да.

Его брови сходятся на переносице.

– Что с вами?

Вот он, момент, после которого назад дороги нет.

– Меня похитили, – шепчу, с мольбой глядя ему в глаза. – Тот мужчина... брюнет в серой футболке... Прошу вас, сэр...

Он не сразу реагирует.

– Похитили? – осторожно переспрашивает он.

Я судорожно киваю. Глаза жгут навернувшиеся слезы.

– Пожалуйста... – добавляю я после короткой паузы. – Сейчас он в магазине.

Это работает. Выражение лица мужчины меняется. Сомнение уступает место тревоге. Его взгляд опускается к моему забинтованному плечу, к запястью. Я не прячу руку.

– Это он с вами сделал? – спрашивает он, кивая на мое плечо.

Я смотрю на бинт на своем плече и судорожно киваю, будто это само по себе неопровержимое доказательство того, что я жертва.

– Прошу вас... – голос надламывается, превращаясь в хриплый шёпот. – Он всем говорит, что я опасная преступница. Но это он... это именно он...

Слова застревают в горле, и я издаю едва слышный, сдавленный звук – не то всхлип, не то стон. Если уж играть, то до

конца. Мужчина хмурится. У него дёргается челюсть, взгляд мечется между моим лицом, рукой и цепью, скрывающейся под сиденьем.

– Я вызову полицию, – решает он, и его рука тянется к карману.

Меня накрывает волна ледящего ужаса.

– Нет! – вырывается чересчур громко. – Пожалуйста, не оставляйте меня с ним... он сейчас вернётся... а потом... потом... Пожалуйста, не позволяйте ему снова прикоснуться ко мне. Пожалуйста. Я не вынесу...

Я отчаянно дёргаю рукой. Цепь тут же отвечает коротким, унижительным лязгом. Этот звук бьёт по нервам, заставляя вздрогнуть. Мужчина проводит ладонью по лицу. Нервно оглядывается по сторонам, ища повод отделаться от меня. Но он уже втянут, и он это знает.

– Чем... чем я могу помочь? – растерянно спрашивает он.

Я истерично мотаю головой из стороны в сторону.

– Я... не знаю... боже... – сбивчиво тараторю, задыхаясь. – Просто... помогите. Пожалуйста. Снимите их с меня...

Трясу наручниками и начинаю рыдать по-настоящему, захлёбываясь воздухом и слезами. Всё, что копилось со вчерашнего дня, с ночи в мотеле, с долгой дороги под палящим солнцем, вырывается наружу. Плечи вздрагивают. Слезы текут ручьями, оставляя на щеках солёные полосы.

Я не слышу, как открывается дверь магазина, но вижу Портера с бумажным пакетом в руках. Он мгновенно хму-

рится и ускоряет шаг. Мужчина поворачивает голову в его сторону, затем снова смотрит на меня. Взгляд его стал твёрже.

– Он?

Я судорожно киваю. Портер быстро приближается к машине. Мужчина делает шаг вперёд, перекрывая ему путь.

– Эй, – говорит он. – Подожди–ка секунду.

Портер останавливается и с вызовом вздергивает подбородок. Бумажный пакет в его руке слегка шуршит.

– В чём дело?

Мужчина расправляет плечи, становясь шире и массивнее.

– Вот это я как раз и хочу выяснить, – отвечает он, кивая в мою сторону. – Почему ты держишь девчонку на цепи?

Они замирают друг напротив друга, не произнося ни слова. Только смотрят. Незнакомец кажется огромным – настоящая гора мышц, способная одним ударом отправить человека в нокаут. Огромный, тяжёлый и опасный, как медведь. Портер совсем другой. В нём нет этой грубой массивности. Его сила прячется под кожей в напряжённых мускулах. Он напоминает крупную дикую кошку, которая убивает одним стремительным броском – быстро и точно.

Я физически ощущаю напряжение, натянувшееся между ними. Слёзы текут по моим щекам, но я почти не замечаю их – не могу отвести взгляд от Портера.

– Она преступница, – говорит он. – Я везу её в Нью-Йорк.

В суд.

Каждый раз, когда он произносит это вслух, становится тяжелее дышать.

Мужчина медленно качает головой, не сводя взгляда с Портера.

– Нью-Йорк... – задумчиво повторяет он. – Суд, значит...

Он внимательно смотрит на Джека, щурясь. Не верит.

– Тебе не стоит вмешиваться, – всё тем же ровным голосом говорит Портер. – Это не твоё дело.

Незнакомец недобро усмехается.

– А мне кажется, что ты врёшь.

Я всхлипываю громче. Получается на удивление убедительно. Наверное, потому что половина этих слёз настоящая. Портер устремляет в мою сторону взгляд, в котором я ожидаю увидеть холод или предупреждение, но вместо этого он усмехается и кивает. Понял, что я задумала, и теперь с любопытством наблюдает, чем закончится моё маленькое представление.

– Это спектакль, – говорит он мужчине, не отрывая от меня глаз. – На такое легко купиться, если не знаешь, с кем имеешь дело.

Мужчина вдруг смеётся.

– Спектакль, говоришь?

Он снова смотрит на меня, и на место нерешительности приходит неприязнь к Портеру.

– Посмотри на неё. Ты правда хочешь, чтобы я поверил,

что эта перепуганная девчонка – опасная преступница? Она выглядит как лакомый кусочек, на который ты просто позарился и теперь везешь куда подальше, придумав красивую байку.

Портер громко смеётся в ответ.

– О, это уже интересно, – говорит он. – Теперь я похититель? Может, еще и насильник? Маньяк?

– Я говорю, что не верю тебе, – мужчина делает шаг вперёд. – И мне не нравится то, что я вижу.

Он резким движением кивает на цепь у меня на руках.

– Отпусти её. Сейчас же.

Сердце в груди срывается в бешеный галоп из-за проклятой спокойной усмешки Портера.

– Ещё раз предупреждаю. Не вмешивайся.

– Да плевать мне! – рычит мужчина, сжимая кулаки. – Я таких, как ты, за версту чую. Гниль.

Он бросается вперёд, замахиваясь. Я инстинктивно зажмуриваюсь, ожидая услышать глухой удар, но его нет. Портер слегка смещается в сторону. Кулак со свистом рассекает воздух там, где мгновение назад было его лицо. Мужчина, не останавливаясь, тут же разворачивается и наносит второй удар. Снова мимо. Портер уворачивается играючи, будто заранее знает, куда полетит каждый следующий удар.

Всё происходит за одно мгновение.

Уронив пакет с едой, Портер наносит всего один точный удар мужчине в солнечное сплетение. Тот со свистом вы-

дышает и складывается пополам. Портер перехватывает его за плечо, разворачивает и резко заводит ему руку за спину, фиксируя так крепко, что мне кажется еще чуть-чуть, и он сломает ему запястье.

– Уймись, здоровяк.

Он удерживает его одной рукой, и в этой кажущейся лёгкости, с которой он это делает, чувствуется что-то по-настоящему пугающее.

– У меня есть лицензия. Полномочия. Я занимаюсь такими, как она. – Он едва заметно кивает в мою сторону. – А ты сейчас в шаге от того, чтобы заработать очень серьёзные проблемы. Правда хочешь поиграть в героя?

Мужчина дышит тяжело, сбивчиво. Гнев на его лице уступает место растерянности, а затем на смену приходит страх. Он ещё пытается вырваться, но хватка на его вывернутом в неестественном направлении запястье усиливается. Тогда он сдаётся.

– Пусти... – бурчит он без прежней уверенности.

Без лишних слов Портер отпускает его, напоследок резко толкнув вперёд. Мужчина, пошатнувшись, делает несколько неуверенных шагов, едва удерживая равновесие. Медленно выпрямляется, виновато глядя на меня перед тем, как развернуться и уйти к своему пикапу, низко опустив голову.

Ещё минуту назад казался огромным и непобедимым, теперь как побитый пёс.

Пальцы так сильно впиваются в край сиденья, что костяш-

ки становятся белыми.

Портер поднимает с асфальта пакет с продуктами и молча возвращается к машине. Взгляд сам собой задерживается на его каменном лице. Он садится за руль и с такой силой захлопывает дверь, что весь автомобиль вздрагивает. Я смотрю на напряжённую линию его челюсти и пальцы, намертво вцепившиеся в руль.

Он в бешенстве, а меня всё ещё колотит.

Не говоря ни слова, Портер заводит двигатель.

Глава 10. Трещины

Глава 10

Трещина

Джесек Портер

Руль под ладонями горячий. Я сжимаю его сильнее, чувствуя, как мышцы под кожей напрягаются. Машина идёт слишком быстро – я это знаю, но ногу с педали не убираю. К черту. Дорога все равно пуста. Сейчас единственное, что меня устраивает – движение вперёд без остановок. Но на подкорке засела грёбаная сцена на заправке, тип в потертой кепке и его глаза, полные дешёвого праведного гнева.

Похититель. Чуть ли не насильник. Твою мать!

В бешенстве сжимаю челюсти. Нет, не из-за драки – это ерунда, видел и хуже. Из-за неё... Из-за хрупкой стервы, решившей вмешать в наши дела постороннего, назвав преступником меня! Хотела сбежать, используя свою смазливую мордашку и жалобную историю? Она ещё не знает, с кем связалась.

Давлю на газ. Хочется сломать её тонкую шею, но вместо этого резко втягиваю носом раскаленный воздух. Аромат ванильного шампуня Бэмби горячей волной проникает в лёгкие. Запах раздражает. Я не хочу его чувствовать, слишком уж сильно он напоминает о вчерашнем, о том, как она по-

жирала меня глазами, когда я вышел из ванной, о чёртовых шортах в горошек...

Взгляд сам собой двинулся в её сторону, и пришлось сделать усилие, чтобы вернуть его на дорогу. Смотреть на неё сейчас – ошибка. Это только подливает масла в огонь.

Похититель. Чуть ли не насильник...

Шеф Ламберт был прав – она изворотлива.

Снова жму на педаль газа и чувствую в руках едва заметную вибрацию от двигателя. Грудь сдавливает злостью, которая только и ждёт, когда ей дадут выход.

Бэмби судорожно дышит. Пытается унять рыдания, стирает слёзы трясущимися пальцами. Отворачиваясь, жмурится и прикусывает распухшую нижнюю губу. Но ничего не выходит. Она проигрывает в этой борьбе и съеживается на сидении, подтягивая колени к груди, обхватывая руками и утыкаясь в них лбом. Она сжимается в маленький комочек, беззвучно плача. Я ловлю себя на вероломной мысли: её слезы – не игра, они настоящие. Она не пытается манипулировать. Я едва не скриплю зубами и крепче сжимаю руль. Мне не должно быть до этого дела.

Я видел слёзы сотни раз. Мужские, женские – без разницы. В допросных, в машинах, в больничных палатах. Слёзы – такой же инструмент, как ложь, угрозы или истерика. Я знаю, как они работают. Знаю, когда они настоящие, а когда – просто способ надавить.

И всё равно что-то внутри скребёт.

Она не смотрит на меня, не просит, не пытается снова вывести из себя. Просто сидит, обняв колени, и от этого в груди возникает неприятное, тянущее ощущение, которому я не могу дать названия.

«Не человек. Объект», –повторяю это про себя, как мантру.

Преступница. Груз. Работа. Грёбанная Бэмби!

Она назвала меня похитителем, чуть ли не насильником, чёрт возьми!

Но что–то во мне даёт сбой.

В памяти всплывает её растерянный взгляд вчера, на парковке мотеля, когда она поняла, кто я. Тогда она на секунду замерла, будто перестала понимать, что происходит. Вспомнил её побелевшее лицо, когда увидела кровь на своём плече, как хваталась за мою руку, когда врач штопал её... Как она брызгала антисептиком и протирала стол в захудалой кафешке...

Бэмби не вписывалась в образ холодной манипуляторши, который я себе выстроил. Или мой мозг, зараженный неуместным вожделением, сам цепляется за крохотные признаки её невиновности?

Ты гребанный слабак, Портер! Ты не должен задаваться вопросами! Не должен думать, а что если.

– Ненавижу... – она шепчет.

Сердце отзывается лишним ударом. Я сжимаю руль сильнее.

– Ненавижу тебя, – повторяет она вибрирующим голосом.

Хочется ответить ей тем же, но я молчу. У меня нет причин ненавидеть её. И отвечать тоже нет смысла. Она поднимает голову. Я чувствую её взгляд. Потом всё-таки смотрю и встречаюсь с блестящими от слёз глазами. Чувства смешиваются в адский клубок гнева и желания вытереть их. Совершенно иррациональный порыв, который ещё больше злит.

Я знаю её второй день!

– Ненавижу тебя, Портер, – она произносит мою фамилию с отвращением.

Трясет рукой. Металл наручников звякает. Она тянет сильнее, словно пытается вырвать кольцо из пола.

– Ты живой? Постоянно молчишь... – продолжает она. – Ты как безмозглый, тупой робот. Ненавижу! Только и можешь – исполнять приказы, не включая мозг. Мудак, – цедит сквозь зубы и дергает руки. – Ублюдок!

Она яростно дёргает наручники, бездумно размахивает руками, совсем не заботясь о раненном плече, и в этот момент я вдруг понимаю, что не злюсь. Я – чёрт возьми! – беспокоюсь об её проклятом раненном плече и швах в нём. Если она продолжит в том же духе, может навредить сама себе. Эта мысль раздражает почти так же, как и пугает. Бросаю быстрый взгляд на перевязанную рану, а Бэмби будто не чувствует боли.

Если швы разойдутся, нам снова придется ехать в больницу, там ей станет дурно, она почти вырубится, пока ей будут

накладывать новые швы, а мне – что хуже всего – опять придется держать ее опасно нежную ладонь. И ничего не чувствовать я не смогу.

– Сукин сын!

В челюсть внезапно прилетает тупой удар сбоку. Не сильный, но достаточный, чтобы голова дернулась. Машину ведёт в сторону, но я успеваю выровнять её.

– Ненавижу! – орёт Бэмби, без разбора лупя по мне, куда дотянется.

Её кулак врезается в мое плечо, в грудь. Она истерично бьёт по подбородку и скуле. Я просчитался, недооценив её, – цепь оказалась слишком длинной. Уворачиваюсь от нового удара, и рука Бэмби скользит у меня перед глазами, а я на секунду теряю контроль. «Шевроле» дергается, вылетая на встречу. Там пусто, но адреналин все равно взрывается в крови. Одной рукой выравниваю руль, второй хватаю цепь и резко тяну вниз, наматывая себе на руку. Металл врезается в кожу, но я не обращаю внимание. Главное – удержать машину. Бэмби рычит, выкрикивая проклятия, и начинает пинать приборную панель, лобовое стекло и все, что попадется, пытаясь угробить нас обоих.

– Хватит! – рявкаю я, но мой голос тонет в её истерике.

Резко нажимаю на тормоз. Машина визжит шинами и срывается на обочину, рывком останавливаясь. По инерции нас обоих кидает вперед, и ремень впивается в грудь, вышибая воздух из легких. Тишина в салоне длится не долго. Бэм-

би приходит в себя слишком быстро и с животной яростью пытается выдернуть цепь из моих рук.

– Прекрати, – рычу я, но бесполезно.

Тогда я тяну ее на себя, разворачиваю и прижимаю спиной к своей груди, скручивая руки, чтобы зафиксировать. Замолкая, Бэмби замирает. Звук ее тяжелого, частого дыхания кажется оглушительным. Ее аромат, проникая в легкие и смешиваясь с адреналином, кружит голову. Ее разгоряченная, мягкая кожа слишком близко. Я не хочу, но стремительная волна неуместного вожделения пронзает насквозь. Снова. Я ненавижу его, но ничего не могу с собой поделать. Опять. Это сводит меня с ума, а Бэмби дрожит.

– Ты выставила меня похитителем и насильником, Бэмби, – шепчу, почти касаясь ее уха.

Она не двигается, но дыхание сбивается.

– Думаешь, мне легко быть вежливым рядом с тобой? – продолжаю я, и мой собственный голос вибрирует от злости. – Ты грёбаная заноза в заднице. И я тоже могу быть плохим.

На долю секунды меня накрывает желание позволить рукам лишнее, уткнуться носом ей в шею и насладиться неповторимым ароматом. В памяти снова вспыхивает ее взгляд прошлой ночью. В том невыносимо длинном мгновении повисло то, о чем мне нельзя думать. Я хочу переступить грань.

И – самое ужасное – мое желание взаимно, но это ничего не меняет.

– Я мог бы в любой момент трахнуть тебя, и мне бы даже

не пришлось применять силу, — до боли сжимая челюсти, цежу сквозь зубы. — Я не собираюсь этого делать, но, если ты и дальше продолжишь в том же духе, мне придется тебя наказать. Я не хочу этого делать, но ты вынуждаешь.

Вру, но Бэмби не оставляет мне выбора. Я ни за что не нарушу условия контракта даже из-за такой горячей цыпочки, как она, но ей об этом знать не обязательно. Пусть боится, только бы вела себя спокойно.

На секунду закрыв глаза, я позволяю себе еще раз вдохнуть ее аромат и отталкиваю. Чувствуя, как колотится сердце, вцепляюсь в руль и смотрю перед собой.

Возьми себя в руки, Портер! Она всего лишь девчонка. Все-го лишь очередная преступница с глазами, как у беспомощного оленя, и с губами, которые хочется целовать.

К черту ее губы, Портер!

А она, будто издеваясь, отползает от меня, чуть ли не вжимаясь в дверь «Шевроле» и сжимается в маленький, испуганный комок. Почти не дышит и не издает ни звука, не считая лязга цепи. По коже мурашки, желудок скручивает от ощущения безысходности, которым повеяло от нее. Бэмби сдалась, а моя злость никуда не делась, как и стояк в штанах.

Как и внезапно нахлынувшее раскаяние, вперемешку с дурацкой нежностью. Никогда не думал, что можно хотеть одновременно и сломать шею, и утешить.

Гребанная Бэмби!

Я сделал все правильно. Я должен был ее остановить, ина-

че она навредила бы себе... Нам обоим.

Взгляд цепляется за ее острый профиль. Усталая, бледная... Хрупкая. Упрямая... Чертова катастрофа! И она ненавидит меня. Имеет право, но от этого не по себе.

Перевожу взгляд на дорогу, и меня не покидает ощущение, что все уже пошло не по плану. И это необратимо.

Плавню вдавливаю педаль газа в пол, и замечаю позади нас движение – парень в идеально белой футболке и джинсах открыл капот своего огромного пикапа.

Глава 11. Трукрайм

Глава 11

Тру крайм

Джесек Портер

Между красных скал и низких холмов по широкому плато Юты тянется прямое шоссе I-80. Редкие кустарники, одинокие сосны и тускло-зеленые юкки цепляются за каждый клочок ржавой почвы. Тишина в салоне гробовая. Сабрина ведет себя идеально, не выказывая раздражения, не возражая, как будто смирилась со своей участью. Я должен бы радоваться. Она не действует мне на нервы и даже не пытается, но почему-то от этого не легче. Наоборот. Её молчание давит свинцовой тяжестью. Каждый вздох служит напоминанием о том, как вчера я был груб с ней. И, несмотря на уверенность в собственной правоте, мне не по себе.

Хочется выругаться, чтобы избавиться от гнетущего ощущения внутри, но не могу позволить себе слабость. Вдыхаю сухой пыльный воздух. Еще неделя и Бэмби исчезнет из моей жизни, на банковском счету прибавится сотня тысяч, и я смогу выдохнуть, избавившись от проклятого наваждения. А пока нужно заглушить эту гребаную тишину.

Чуть сбросив скорость, тянусь к планшету, закрепленному на приборной панели, не глядя нахожу Ютьюб и включаю

первое попавшееся видео. В прошлый раз безобидный исторический подкаст вывел Бэмби из себя, и теперь остается только надеяться, что мое решение не приведет к ее новой вспышке.

– Ночью, в августе 1987 года, машинист грузового поезда увидел на рельсах нечто странное – две небольшие фигуры, накрытые темным брезентом, лежали неподвижно. Должно быть, это местные алкоголики, подумал он и просигналил. Гудок. Второй. Еще один. Но не последовало никакой реакции, – драматично говорит блондинка на экране.

Бэмби бросила короткий взгляд на планшет, но сразу же отвернулась, уставившись на скалы.

– Через несколько секунд поезд на полном ходу переехал их, даже не дернувшись. Он просто продолжил движение, словно пересек неровный участок дороги.

Короткий вздох выдает – Бэмби слушает, хоть и старается это скрыть. Почему–то становится легче, и я хмурюсь, отворачиваясь. Я врубил трукрайм не для того, чтобы сделать лучше ей.

– Когда поезд остановился, и машинист вернулся к месту трагедии стало ясно – он задавил человека. Как позже выяснилось, двоих подростков, уснувших на рельсах. Но мужчины не давал покоя вопрос – как? Ведь невозможно не услышать сигналы поезда и тем более не почувствоватьдребезжание рельсов? Даже если ты уснул, все равно проснешься!

– Если ты жив... – пробормотала Бэмби, и я едва разобрал

ее слова.

Отголоски дела «Мальчиков на рельсах» до сих пор звучат в медиа, обрастая новыми слухами и домыслами. Два подростка, найденные на железнодорожных путях ночью, погибли под колёсами поезда. Расследование сразу вызвало шок: подростков обвинили в том, что они обкурились марихуаной, а трагедия якобы стала следствием их «необдуманных действий». Но по факту обстоятельства были подозрительными – поведение свидетелей, освещение дела в прессе, поспешные выводы – всё это вызвало множество вопросов.

Бэмби сидит сжавшись, но взгляд то и дело возвращается к экрану планшета, а во мне борются два чувства – я противлюсь робкому ощущению нормальности, которое просачивается сквозь тягостное молчание.

– Марихуана... Вы вообще представляете, сколько нужно было скурить, чтобы так уснуть? – сомневается ведущая.

– Целое поле, – фыркает Бэмби. – Какой бред.

Сложно не согласиться.

Я сжимаю губы и едва удерживаюсь от кивка.

– Да, многие специалисты отмечали, что подобная версия практически невозможна.

Бэмби хмурится.

– Кажется... – она заговорила со мной впервые после вчерашнего, и голос её слегка дрожит. – Кажется, я слышала об этом деле. Не то ли это тот случай, где оказалась замешана верхушка города в производстве наркотиков?

Я хмыкнул, не отрывая взгляд от дороги.

– По неофициальной версии, – отвечаю, но и мне слова даются с трудом. – Официально это никогда не признают.

– А ты?

Разворачиваясь в мою сторону всем корпусом, Бэмби оценивающе смотрит на меня. Ее немигающий, долгий взгляд отзывается мурашками вдоль позвоночника.

– Я? – хмурюсь, не отрываясь от дороги. – В смысле?

– Что думаешь ты?

– Что это не моё дело, – пожимаю плечами.

Она кивает, криво усмехаясь, будто услышала именно то, чего ожидала.

– Конечно... – тянет она. – Я и забыла. Ты ведь не задаёшь вопросов. Тебе плевать. Ты вообще знаком с материалами дела?

Её тон бьёт, как пощёчина.

– Поверхностно, – отвечаю я. – А ты... дай угадаю, вникла основательно?

– Ну ты же наверняка читал моё досье. Я будущий журналист. Расследования, громкие дела... Как думаешь, я могла не знать о таком?

– Риторический вопрос?

– Именно. Мне известны сведения только из открытых источников, – продолжает она. – Но этого более чем достаточно. Мальчики были мертвы ещё до того, как их...

– ...переехал поезд, – заканчиваю я за неё.

Она смотрит на меня внимательно.

– Об этом говорят анализы крови и характер повреждений. То, что судмедэксперт в упор не замечает.

– И что?

– А то, – отвечает она, – что он игнорирует улики.

Я сжимаю челюсти.

– И как ты собираешься доказать этим причастность местных властей?

Цепкий взгляд Бэмби проникает под кожу, но я не отрываюсь от дороги, а она молчит.

– Так что же?

Она не отвечает сразу. Выдыхает, пожимая плечами и разочарованно качая головой.

– Никак, – соглашается она наконец. – Если ты ждёшь красивой схемы – её нет.

– Тогда о чём мы вообще говорим? – хмурюсь я. – Подозрения – не доказательства.

Она устало усмехается.

– Вот именно. Подозрения. Улики косвенные, но их слишком много, чтобы отмахиваться. – Она наклоняется ко мне, забывая про цепь. – Машинист сигналил. Реакции не было. Следы на телах не совпадают с версией. Анализы крови противоречат заключению. На свидетелей давят или вообще устраняют. Документы «теряются». А потом вдруг – марихуана, и всем сразу становится все понятно и – самое главное – удобно!

Всё это я слышал. Не в таком виде, не таким раздражённым тоном, но слышал.

– Удобно – не значит незаконно, – возражаю я.

– Не значит, – соглашается она. – Но законом часто прикрывают грязь. Особенно там, где у всех руки по локоть.

Она смотрит на меня внимательно, будто примеряется, куда бить дальше.

– Ты ведь понимаешь, что судмедэксперт не мог «просто ошибиться».

– Понимаю, – киваю я, не найдя аргументов против. – И понимаю, что, если он это сделал намеренно, значит, у него была причина.

Бэмби качает головой, и улыбка сквозит победными искорками, как будто я наконец сказал что-то правильное.

– Вот. – Она подтягивает под себя ногу. – А теперь скажи честно. Если бы ты не работал «по контракту», а был по-настоящему внутри дела... ты бы поверил официальной версии?

Вопрос повисает между нами. Я чувствую, как он цепляется за старые шрамы, за вещи, которые я давно решил не трогать.

– Я не «верю» и не «не верю», – говорю я. – Я смотрю, что можно доказать. Всё остальное – шум.

– Ты врёшь, – спокойно возражает она. – Сам себе.

Я резко бросаю на неё взгляд. Она не отводит глаз.

– Ты всё время говоришь, что тебе плевать. Что ты не за-

даёшь вопросов. Но я тебе не верю. Ты запрещаешь себе их задавать.

Её слова бьют в самую цель.

– И что с того?

– А то, – отвечает она тише, – что тебе не всё равно. И это тебя бесит.

Я возвращаю взгляд на дорогу. Молчу дольше, чем нужно.

– С чего ты вообще это взяла?

Она пожимает плечами.

– Потому что ты слишком стараешься убедить в этом меня.

Я молчу.

– Если бы тебе действительно было всё равно, – продолжает она, – ты бы не пытался объяснить мне свои правила. Просто сдал бы полиции и забыл.

– Именно это я и собираюсь сделать.

– Нет, – Бэмби качает головой. – Если бы ты не задавал вопросов, ты бы не врал врачам и уж точно не держал бы меня за руку.

– Это ничего не доказывает. Ты слишком высокого мнения о себе.

Она хмыкает.

– Возможно. Но я точно знаю одно: если закрывать глаза на такие дела, как это... потом не стоит удивляться, когда поезд переезжает не просто беззащитных мальчиков, а целые города. Признайся, Портер, ты ведь не всегда был таким, да?

Не всегда охотился за головами. Ты бывший полицейский?

Отвечать не хочется. Знаю, это не праздное любопытство с ее стороны. Бэмби пытается надавить на жалость, манипулировать и заставить меня нарушить контракт. Но я давно все решил для себя и не собираюсь снова начинать сомневаться.

– Ты был полицейским? – повторяет она настойчиво.

Вздых вырывается сам собой, пока я молча вглядываюсь в серую линию асфальта, тянущуюся к горизонту.

– Это простой вопрос, Портер.

– Был, – я все же сдаюсь. – Недолго.

Она едва заметно кивает и отворачивается.

– Почему ушёл?

К горлу подступает ком, и приходится сделать усилие, чтобы проглотить его.

Нет, Бэмби, не сегодня. Черта с два тебе удастся вывести меня из равновесия.

Ей не обязательно знать о причинах. Я и так сказал больше, чем ей следовало бы знать.

– А охотник за головами ты давно? – спрашивает она, не дождавшись ответа.

– Пару лет.

– И всё-таки, – не отстаёт она. – Почему ищейка, а не значок? Почему не остался в системе?

– Потому что платят лучше, – криво усмехаюсь я.

Бэмби хмыкает и откидывается на спинку сиденья.

– Понятно, – тянет она. – Всё ради денег. А я–то думала, ты из тех, кто верит в идею.

– Разочаровал? – бросаю я, не глядя на неё.

– Скорее, перестала строить иллюзии.

– Иллюзии вообще дорого обходятся, – улыбаюсь я.

Задумчиво прищурившись, Бэмби пристально смотрит. По взгляду вижу – что–то обдумывает. В глазах мелькают искорки надежды, и почему–то от этого становится хреново.

– Сколько? – наконец спрашивает она.

– Что – сколько? – я приподнимаю бровь.

– Сколько за меня платят?

Вопрос звучит даже слишком буднично. Как будто она спрашивает цену на бензин или кофе на заправке.

– Много, – отвечаю я.

– Насколько много? – не отстаёт она. – Допустим... я могу предложить деньги. Взамен на свободу.

Я усмехаюсь.

– Нет.

– Почему? – тут же цепляется она. – Ты же сам сказал – для тебя главное деньги.

– Потому что у тебя нет таких денег.

Она замирает.

– Откуда ты знаешь?

Я бросаю на неё короткий взгляд и снова возвращаюсь к дороге.

– Знаю.

– Скажи сумму, – упрямо говорит она. – Мне любопытно!

– Сто.

– Что «сто»? – хмурится она. – Долларов?

– Тысяч.

– Сто тысяч долларов? – вспыхивает она и замолкает с открытым ртом.

В салоне становится тихо, и только подкаст о мальчиках под поездом продолжает нарушать эту паршивую тишину. Бэмби отворачивается, безнадежно падая на сидение и стеклянным взглядом уставившись перед собой.

– Я так и думал, – говорю я тихо, сам не знаю зачем.

Глава 12. Тишина

Глава 12

Тишина

Джеск Портер

Раньше я даже не замечал убогости комнат в придорожных мотелях. Вернее, замечал, но не придавал значения, считая их всего лишь безликой декорацией, частью работы. Я мог отдохнуть, поспать или зализать раны, если таковые имелись. Мне было плевать.

Но сейчас я вошел следом за Бэмби и как будто впервые увидел это место.

Из-за нее все вокруг стало отвратительным. Продавленная кровать кажется недостойной ее тела. Прокуренный воздух с примесью лимонного чистящего средства не должен касаться ее бархатной кожи. Она кажется слишком другой, не предназначенной для этого мира. Как будто драгоценный бриллиант поместили в оправу из ржавого железа. Ее идеалистические рассуждения о мальчиках на рельсах сильнее распалили первоначальные сомнения. Она манипулировала, знаю, но выглядела такой чертовски искренней!

А ее красота лишь подчеркивает мерзость окружения. Вижу, как небрежно Бэмби осматривает комнату, слегка передергивая плечами и брезгливо кривя губы. Пытается сми-

риться с унижительной реальностью, избавиться от безысходности, которая все равно видна на ее лице.

Раньше такая реакция взбесила бы, но не сейчас.

Какая разница, что думает обычная преступница? Твое дело – доставить ее в суд.

Разозлиться на нее – самая правильная реакция. Или игнорировать. Но не выходит.

Я не испытываю гнева. Волна необъяснимого стыда подкатила к горлу. Самому от себя противно, но я стыжусь этих пожелтевших от времени обоев на стенах, дурного запаха и самого себя, снова притащившего ее в чертов клоповник. За то, что я – часть этого места, в которое она так явно не вписывается.

Отворачиваюсь, делая вид, что проверяю замок на двери. Мне вдруг хочется извиниться. Сказать что-то вроде «Мы здесь ненадолго» или «Это лучшее, что было по пути».

Но я молчу. Потому что любое оправдание лишь сильнее вбило бы гвоздь в крышку гроба с моим самообладанием.

С тех пор, как Бэмби узнала о сумме за ее голову, не произнесла ни слова. Я тоже не пытался заговорить. Молча мы проехали часов шесть. Так же молча купили сомнительный ужин в случайном супермаркете. Заселились сюда. Без сопротивления я приковал ее на цепь к изголовью кровати, бросил пару дешевых сэндвичей в пластиковой упаковке.

В памяти всплыла ее улыбка там, в кафе до того, как она узнала, кто я. Самая очаровательная...

Вот бы сейчас стейк и бокал бордо. И сидеть с ней не здесь, а за столиком в каком-нибудь уютном местечке, говорить о трукрайме. Она бы улыбнулась, заправив прядь за ухо. Ее взгляд бы смягчился под действием вина.

Меня будто ударили в солнечное сплетение.

Идиот! Гребанный придурок, клюнувший на симпатичную мордашку!

– Ешь, – ворчу я, опасаясь смотреть в сторону Бэмби, и резко разворачиваюсь.

Я буквально вываливаюсь из номера. Втягиваю полной грудью вечернюю прохладу, стараясь очистить голову от навязчивого видения. Дверь позади захлопывается.

Она – груз, преступница... Она – вещь, всего лишь часть работы. Я сотру ее из памяти, как только передам в руки закона. Я всегда так делал. Да, в конце концов, я знаю ее всего третий день!

Провернув ключ в замочной скважине, подхожу к своей «Шевроле» и опираюсь ладонями на капот. Неподалеку с сигаретой в зубах маячит бугай, но мозг слишком сосредоточен на стояке в штанах, чтобы обратить внимание кого-то рядом.

Опускаю голову, зажмуриваясь так, что глаза больно. Я выгляжу как кусок дерьма. Сложно представить более жалкое зрелище. Повелся на гребанную пижамку в горошек и упругую задницу...

Соберись...

Самому себе кажусь психом, и чтобы хоть чуть–чуть убавить орущий об опасности сигнал в голове, просто иду без какой–либо цели, но беру пару бумажных стаканов с горьким кофе и пару шоколадок – отличный предлог, чтобы объяснить внезапный уход.

Возвратившись в номер, я вижу Бэмби все там же. Она медленно пережевывает сэндвич, задумчиво глядя в одну точку в стене и слегка щурясь. Я громко хлопаю дверью, и она вздрагивает, но даже после этого не смотрит на меня. Глаза ее полны темной пустоты. От этого мне становится еще паршивее.

Гребанная Бэмби!

– Кофе, – говорю, с трудом держа голос ровным.

Ставлю стакан на прикроватную тумбочку рядом с ней и падаю на свою кровать. Впился зубами в сэндвич, механически пережевывая и глотая невкусную еду, не ощущая ничего, кроме текстуры влажного хлеба и резиновой котлеты. Запил глотком обжигающе горячего кофе, которые по вкусу больше напоминает полынь.

Хорошо.

Чувствую, как внутри разливается мазохистское удовлетворение. Лучше ощущать эту горечь. Может хоть она отобьет навязчивые мысли о стейке и бокале красного.

Стараюсь не смотреть на Бэмби, но разводы на обоях на противоположной стене – не то, чего хочется моим похотливым глазам. Они снова и снова льнут к ней, как намагничен-

ные. К ее темным блестящим волосам, скрывающим лицо, к изящным пальцам, сжимающим пустую упаковку из-под сэндвича.

Нужно убрать ее из поля зрения, чтобы она не сидела здесь, как живой укор моей абсолютной профнепригодности.

– Ты первая.

Она медленно понимает голову. Усталый взгляд находит меня. Бровь вопросительно изгибается.

– В ванную. Готова?

Она секунду смотрит на меня и коротко кивает.

– Да.

– Пятнадцать минут, – говорю я, освобождая ее от наручников и вижу красные следы на запястьях, но запрещаю себе думать о них.

Не могу оторвать от нее взгляд, пока Бэмби не скрылась за дверью. Шуршит одеждой. Вода с шипящим звуком льется из крана, ударяясь о кафель.

Этот звук сводит с ума.

Моему дьявольскому воображению стало недостаточно напоить Бэмби вином, оно рисует ее смутный силуэт, утопающий в клубящемся паре. Плавный изгиб плеч и запрокинутая голова... Теплая вода стекает по обнаженной груди.

Хочется распахнуть дверь и встать под струи вместе с ней. Забыть о работе, забить на гребанное задание и шефа Ламберта. Видеть, как её волосы темнеют от воды, становятся

тяжелыми, как шёлк. Хочу запустить в них пальцы, скрутить в тугой узел... Хочу видеть на её лице не застывшую маску покорности, а, чёрт возьми, тот самый горящий взгляд, которым она смотрела на меня позавчера, когда я вышел из ванной. Хочу слышать стоны, которые не сможет заглушить шум воды.

Рука сама собой тянется к ширинке на джинсах и нерешительно замирает на пуговице.

Идиот.

Глубоко вдыхаю через нос, убирая руку и сжимая пальцы в кулак.

Она играет. Видит твою слабость и просто сменила тактику. Ломает тебя своей хрупкостью. Не смей вестись на это дерьмо. Деньги. Думай о деньгах, Портер. Сто тысяч.

Теперь они кажутся кровавыми. Пытаюсь представить чемодан с наличными, а вижу её красные запястья. Сто тысяч за что? За девчонку, которая кажется глупой идеалисткой, но никак не опасной преступницей? Она же даже внешность не поменяла, отправляясь в бега! Какая из неё преступница?

Будь она виновна, попыталась бы предложить своё шикарное тело в обмен на свободу. Бэмби знает, что я хочу её. Но вместо этого спорит и делает всё, чтобы вывести меня из себя. Где её хитрость?

«Главный коррупционер – это Ламберт», – голос Бэмби в голове уже не звучит как истерика загнанной в угол стервы.

«У тебя сладенькая сестренка, Портер. А что, если мы

заставим ее улыбаться шире?» – слова вспыхнули в памяти, будто кто-то чиркнул зажигалкой прямо по нервам.

Твою ж...

Сладкая Бэмби – будь она неладна – не просто воскрешает эхо из прошлого, заставляет треснуть стены того самого ящика, который я забил гвоздями, залил бетоном, спустил в самый тёмный угол своей памяти и пообещал не касаться. Никогда.

А теперь этот ящик скребется изнутри.

Погруженный в свои мысли, я не заметил, как распахнулась дверь ванной. Ноздрей тут же коснулся сладковатый аромат ванили и горячего пара. Волосы, тёмные и тяжёлые от воды, рассыпались влажными прядями по плечам, несколько капель скатились по шее, исчезнув под вырезом футболки с проклятым плюшевым медведем на груди. Порозовевшая кожа лица хранит жар после душа. А на ней... чёрт, на ней-эта самая пижама с шортами в горошек, заставлявшая две ночи подряд ворочаться без сна и думать о том, как я хочу их снять.

Дух захватывает. Чертово сердце не просто бьётся – оно грохочет, отдаваясь в висках.

В эту секунду нет ни наручников, ни Ламберта, ни ста тысяч. Нет преступницы и охотника за головами. Есть только женщина. Уязвимая и смертельно желанная. И я хочу её дико, примитивно, с той самой животной силой, что валит с ног и отключает разум. Если бы сейчас она предложила секс

в обмен на свободу, как предлагала деньги, не уверен, что смог бы устоять. Пальцы покалывает от потребности ощутить тепло её распаренной кожи, уткнуться носом в ее шею, запутаться в этих влажных волосах.

– Давай посмотрю руку, – прорычал я и кивнул на кровать.
– Надо проверить рану.

Голос прозвучал грубо, но пусть лучше так. Черта с два я позволю ей услышать в нем желание. Если говорить жестко, отдавая приказы, она не увидит, как я хочу ее.

Это ключевой момент в нашей с ней проклятой партии – ты не можешь позволить себе ни капли мягкости, потому что одна капля размочит плотину. Одно прикосновение без необходимости, один взгляд, задержавшийся на секунду дольше – и ты уже не профессионал. Ты – слабак. Ты – тот, кто потерял голову и проиграл всё. Так что я смотрю на неё ледяным, оценивающим взглядом, а внутри дикое, постыдное желание, от которого тошнит.

Бэмби не спорит, не заставляет себя уговаривать. Смирившись со своей участью, медленно плетется к своей кровати и покорно садится напротив меня.

Черт.

Она отдает себя в мои руки, и от этого по спине бежит самый настоящий электрический разряд.

Я сажусь рядом. Кровать прогибается, мы оказываемся так близко, что её тепло становится осязаемым. Воздух между нами становится горячим. Когда мои пальцы касаются её

кожи, мир сужается до ощущения ее гладкого влажного шелка под подушечками.

Бэмби вздрагивает, стоит дотронуться до внешней стороны ее плеча чуть выше швов. Я вижу мелкие мурашки на ее коже, и как тяжело вздымается ее грудь с твердеющими сосками под проклятой обтягивающей футболкой. В номере слишком жарко, чтобы списать это на холод. Это реакция на мою близость.

Приходится задержать дыхание, чтобы не выдать себя. Ее пульс отзывается рваным ритмом в ответ на движение моих пальцев.

Желание обладать ею больше походит на голод. Я должен осмотреть рану, но не могу отвести взгляд от капли воды, поблескивающей у нее на шее. С трудом противлюсь желанию слизать эту каплю и услышать, как ее дыхание превратится в стон.

У тебя неприятности, Портер...

Собственное тело напоминает натянутую тетиву. Кровь гудит в ушах, стучит в висках, пульсирует в члене, наливаясь тяжёлым, невыносимым жаром. Близость сводит с ума. Каждый её вдох – это пытка.

Медленно вздохнув, я заставляю себя отвести взгляд от шеи Бэмби и сфокусироваться на ране. Сейчас она уже не напоминает кровавое месиво. Кожа вокруг швов слегка воспалённая, красноватая, но без отёка.

Я провожу подушечкой пальца рядом, в сантиметре от

швов, проверяя реакцию ткани. Кожа здесь чувствительная, отзывается лёгким, инстинктивным напряжением её мышц. Бэмби не отдергивает руку, но её дыхание снова замирает.

– Воспаление в норме, – говорю я нарочито ровным голосом. – Швы чистые. Ты ведь была аккуратна в душе? Не мочила?

– Нет, – Бэмби отрицательно махнула головой.

– Отлично. Ещё дня три, и краснота сойдёт.

Я говорю это больше для себя, чтобы слышать факты и видеть в ней только пациента. Между нами повисает неловкое молчание, и, не выдерживая, тяжело поднимаюсь с края кровати, давай пружинам вздохнуть. Тянусь за ключами от наручников.

– Ты же знаешь правила, – говорю я, не глядя на неё.

Она ничего не отвечает. Просто поднимает руки, подставляя мне запястья. Холодный металл браслета касается её кожи.

Щелчок.

Один резкий щелчок в гробовой тишине номера. Он грохочет, как выстрел. Челюсти сводит, когда снова вижу красные полосы у нее на запястьях, но защёлкиваю второй браслет.

Не глядя на меня, Бэмби отодвигается, закидывает ноги под тонкое синтетическое одеяло. Поворачивается на бок, спиной ко мне, к комнате, к этому гребанному миру. Сжавшись в маленький теплый комок, замирает. А я стою и смотрю.

рю на её спину, чувствуя, как сквозь плотское желание пробивается гнев. На себя.

Я следую правилам. Соблюдаю технику безопасности. Я эффективен, точен, профессионален до кончиков пальцев. И впервые за всю свою проклятую карьеру я чувствую к этим правилам лютую ненависть. Они вдруг кажутся не инструкцией, а узаконенным садизмом. Ритуалом унижения, в котором я – главный жрец.

Удовлетворения от хорошо выполненной работы нет. Меня тошнит.

Больше не ощущаю себя профессионалом, выполняющим контракт.

Я – палач, который только что защёлкнул кандалы на запястьях того, кого не должен был жалеть. От этой мысли становится физически плохо. Комната, и без того убогая, сжимается, давит на виски.

Разворачиваюсь и шагаю к ванной. Мне нужно помыться. Смыть с рук этот оглушительный щелчок замка, который теперь намертво впечатан в тишину между нами.

Глава 13. Надежда

Глава 13

Надежда

Сабрина Ричардс

Сто тысяч.

Цифра крутится в голове даже спустя сутки.

Вот во сколько оценили мою жалкую жизнь. Такую сумму не платят за суд. Суд – это спектакль с адвокатами и объявлением срока в конце. Суд – это громко. Дорого, да, но не настолько.

Такую сумму платят за молчание. За то, чтобы человек исчез, и никто никогда не нашёл даже намёка на вопрос «куда?». Это цена за растворение в кислоте, за бетонный сапог в водах Гудзона, за пулю в затылок в глухом переулке. Цена, которую платят, когда доказательства должны исчезнуть вместе со свидетелем.

Я смотрю перед собой, чувствуя как страх холодит позвоночник. Металл наручников ледяным кольцом жжёт запястье.

Прошлые сутки всплывают обрывками. Моя игра в сломленную. Это была даже не игра, честно говоря. Но и не стратегия. Внутри была апатия, липкая, как смола. Отчаяние, которое выедаёт всё, включая волю бороться. Я видела, как

Портер иногда смотрит на меня. В его взгляде мелькало что-то человеческое, от чего у меня ёкало сердце глупой надеждой.

Но это ничего не меняло. Ни-че-го.

Он всё так же хмурился и отворачивался. Всё так же цокал замком наручников. Всё так же вёл меня, как собаку на поводке.

Вывод из этого следует один: *он не отпустит.*

Контракт. Деньги. Его долбанные принцип «делай свою работу и не задавай вопросов». Его собственная шкура, которую он, наверняка, тоже хочет сохранить. Он – машина, которую заправили деньгами и указали маршрут. Он доведёт. Он обязан довести.

Доставит меня в Нью-Йорк, а там...

Мысль обрывается сама, резко, как будто я споткнулась о край пропасти. Мне страшно додумать. Страшно представить, что будет ждать меня там, куда он меня приведёт. И вряд ли это будет деревянная скамья подсудимых.

Я зажмуриваюсь, пытаюсь загнать обратно подкативший ком паники. Но цифра так и стоит перед глазами.

Сто тысяч.

Когда он глушит мотор, я даже не поднимаю головы. Очередная заправка. Я устала считать эти точки на карте, которые выглядят как клоны друг друга с жужжащими кондиционерами, запахом жареного во фритюре теста, пыльные стеллажи с сувенирными магнитами «Я ♥ [ВСТАВЬ ШТАТ]» и

телефонами–автоматами, похожими на артефакты из другого века.

Бесконечные заправки, вонючие супермаркеты, мотели, где от стен пахнет сигаретным дымом двадцатилетней давности. Весь этот американский «андерграунд», по которому мы ползем, как тараканы по канализационной трубе.

Чёртово палящее солнце бьёт в лобовое. Я, жительница Нью–Йорка, где небо чаще серое, а солнце пробивается узкими лучами между небоскрёбами, не привыкла к такому его количеству. Оно не греет – оно прожигает. Высушивает мысли, оставляет на коже ощущение стянутости и пыли.

Ирония в том, что, если бы мой изначальный, дурацкий, наивный план сработал, мне пришлось бы задержаться в Лос–Анджелесе, в городе, где этого солнца ещё больше. Я представляла себе пастельные виллы, пальмы, бассейны с бирюзовой водой, а не выжженный асфальт, кричащие неоновые вывески дешёвых забегаловок и вечный запах горячего масла.

Потираю запястье. Кожа там красная, воспалённая от постоянного трения о металл, горит и зудит. Плечо, ещё позавчера нывшее тупой, разливающейся болью, потихоньку успокаивается. Ткань под швами уже не пылает огнём, напоминая о себе при резком движении. Перспектива заражения, которая казалась такой жуткой и реальной три дня назад, теперь отступила.

Какое, к черту, заражение?

Я даже не уверена, доживу ли до конца следующей недели, чтобы увидеть, как эти швы вообще снимут.

– Зайду в супермаркет, – говорит Портер, спустя несколько часов молчания. – Тебе что-нибудь нужно? Прогуляться?

Он имел в виду уборную. «Прогуляться» – значит выйти из машины, пройти под камерами наблюдения, зайти в тускло освещённую кабинку, пока он ждёт снаружи.

Я киваю.

– Да. Нужно.

На самом деле – нет. Мне не нужно. Мой мочевой пузырь спокоен, как спящий зверь. Мне просто до чёртиков надоело сидеть в этой проклятой машине. Мне нужна всего одна крошечная минута, чтобы побыть в одиночестве.

Портер молча кивает. Конечно, ведь для мистера Робота слова – это лишний шум. Он открыл свою дверь, вышел, и через секунду распахнулась моя. Присел на корточки рядом, его лицо оказалось на уровне моих коленей. Когда Портер потянулся к наручникам, прикрепленным к цепи, которая исчезает у меня под ногами, я бросаю на него взгляд и в очередной раз не могу заставить себя не смотреть.

Чёрт. Должна была бы уже привыкнуть и научиться не замечать, как тень от длинных ресниц падает на скулы, подчёркивая их резкую, почти скульптурную линию; как мышцы на его предплечья напрягались и играют под загорелой кожей; как губы с вздёрнутыми уголками сжимаются в прямую четкую линию.

С самого начала Портер мне казался до безобразия сексуальным. И этот животный факт пробивается сквозь ненависть и отчаяние. Мой мозг кричит об опасности, а тело – тупым, древним инстинктом – реагирует на близость сильного самца.

Унизительно.

Его грязные слова, сказанные в момент злости, должны были оттолкнуть, но не оттолкнули. Только еще сильнее разожгли во мне постыдные фантазии, от которых низ живота сжимался в тёплый клубок.

Хватит, Ричардс!

С щелчком наручники отстегнулись от скобы в полу. Его жесткие пальцы на секунду коснулись моей кожи у запястья. Я отдернула руку и быстро выскользнула из машины.

– Пошли, – бросил он без эмоций, хлопая дверью у меня за спиной.

Пара дальнобойщиков стоят у своих фур, попыхивая сигаретами, их лица скрыты кепками, но я чувствую взгляды. Идущая девушка со скованными руками, а рядом с ней – мужчина с каменным лицом, чья поза кричит «охранник» за милую. Не каждый день девушки вроде меня оказываются под конвоем.

В первый раз, когда мы так вышли, меня накрыла волна такого острого стыда, что я едва не споткнулась. Хотелось исчезнуть.

Теперь... теперь мне плевать.

Пусть думают, что хотят. Убийца, воровка, наркокурьер – какая разница? Их немые вердикты ничего не меняют.

В супермаркете между невысокими полками, заваленными упаковками чипсов, печенья и консервов, маячат холодильники с готовой едой – те самые, от одного вида которых становится дурно.

Я замираю как вкопанная. Ноги отказываются нести меня дальше к этому гастрономическому кошмару. Портер, идущий в двух шагах позади, тоже останавливается.

– В чём дело?

– Мне нужно в уборную.

– Давай сначала купим еду.

Во рту тут же появился знакомый металлический привкус, стоило подумать об очередной безвкусной булке, слипшихся в холодный ком макаронах с оранжевым «сыром» или о химозном пюре с подливой из резиновой говядины.

Повернувшись к Портеру, поднимаю на него жалобный взгляд, сводя брови домиком. Я не притворяюсь. Меня и вправду уже тошнит от всего этого.

– Может можем поесть что-то более человеческое?

Портер выдохнул через нос, будто я попросила доставить мне ужин из «Жан-Жоржа».

– Это и есть нормальная еда.

– Она не годится даже на корм свиньям.

Он наклоняется чуть ближе, и его лицо искажает холодная усмешка.

– Привыкай. В тюрьме никто не станет исполнять твои капризы.

В тюрьме.

Слова звучат как самый издевательский фарс, ведь Портер не настолько туп, чтобы верить в этот бред про суд и камеру.

– Вот именно! – фыркаю я. – В тюрьме мне уже не светит ничего вкуснее отрыжки младенца.

– Сама виновата, – произносит он сквозь зубы, сверкая адским пламенем в глазах.

К горлу подкатывает желание зарычать. Хочется топнуть ногой или разбить что-нибудь. Всё внутри переплетается в болезненный узел ярости и беспомощности, но единственное, что я могу – сжать руки в кулаки, порывисто выдохнуть и схватить Портера за плечо, там, где рукав футболки заканчивается. И сразу же чувствую, как пальцы начинают дрожать. Под моей ладонью его мышца твердеет, а сам Портер замирает. Всё его тело на секунду напоминает каменную статую. Он не отдергивает руку, но хмурится, глядя прямо мне в глаза.

– Пожалуйста... – выдыхаю я, не отводя взгляда.

Он молча сверлит меня глазами. Челюсти у него сжаты так, что на скулах играют желваки.

– Ты хотела в уборную.

Тема закрыта.

Дрожь в пальцах перерастает в общую слабость.

– Да, – говорю я, отпуская его руку.

Он молча разворачивается и делает шаг в сторону вывески «Уборная». Позади звучит его низкий баритон, обращенный к кассиру – просит ключ. Я не оборачиваюсь, но слышу каждое слово. Кассир – судя по голосу, подросток – что-то ворчит про воду, про то, что туалет только для посетителей, но потом звенит связка ключей, брошенная на стойку, и я понимаю: договорились. Деньги или суровый взгляд – неважно. Важно, что сейчас я зайду туда, а он будет ждать снаружи, прислонившись спиной к стене, и делать вид, что не слушает.

– Стоять.

Я замираю. Дверь открывается, и он, втолкнув меня, заходит следом.

Туалет оказывается крошечным. Не комнатка – клетушка. Подсобка с унитазом. На первый взгляд даже чисто, но это ощущение длится ровно секунду. Потом глаз выхватывает детали, от которых по спине бегут мурашки.

Старый пожелтевший унитаз, будто впитал в себя отходы всех дальнобойщиков, что останавливались здесь за последние двадцать лет. Крышка поднята, и я вижу ржавый ободок воды, стоящей внутри. Зеркало над раковиной мутное с забившейся в трещины чернотой. Под потолком яркая флуоресцентная лампа, издающая мерзкий, вибрирующий звук, от которого начинает дергаться глаз.

Я чувствую кожей, как целые батальоны невидимых бак-

терий маршируют по моему позвоночнику, поднимаются к затылку, зарываются в волосы. Меня передергивает.

За спиной слышу едва различимую усмешку Портера.

Ему кажется это забавным. Ему, мать его, смешно, что меня тошнит от этого места!

– Можешь идти, – говорит он.

Я медленно поворачиваюсь к нему и протягиваю скованные руки вперед.

– Мне обязательно это делать в наручниках?

Он смотрит на меня сверху вниз с выражением застывшего гранита на лице.

– Техника безопасности, Бэмби.

– Шутишь? – я кривлю губы в подобии усмешки. – Я еще не научилась просачиваться сквозь замочные скважины.

Он стоит со скрещенными на груди руками, прислонившись плечом к дверному косяку, и даже бровью не ведет.

– Похоже, что я шучу?

– Да брось, Портер! – раздраженно выдыхаю я. – Правда! Ну куда я денусь?

Но мистер Робот не отвечает. Впрочем, как обычно.

– Здесь даже окна нет!

Хмуро оглядывает помещение поверх моей головы.

– Пожалуйста! – вырывается у меня.

Он смотрит на меня долго и еле слышно ворчит сквозь зубы:

– Да чтоб тебя...

Пользуясь временной трещиной в его броне, складываю руки в молитвенном жесте.

– Пожалуйста–пожалуйста–пожалуйста, – канючу, как маленькая девочка, которая выпрашивает у папочки еще одну конфетку.

Он шумно выдыхает. В его взгляде мелькает смесь раздражения и чего–то еще, мне не понятного. Но этот проблеск эмоций слишком быстро гаснет.

– Только попробуй что–нибудь выкинуть! – предупреждает он.

Я смотрю на него и не могу поверить.

Серьезно? Он реально это делает? Тот самый Джек Портер, который три дня водил меня на поводке, как цирковую собачку, сейчас просто... поддался?

Ключ поворачивается. Наручники падают с моих рук, и я чувствую будто с меня сняли самую настоящую бетонную плиту. Я хмурюсь, глядя на него, и тру зудящие запястья, а он стоит и смотрит сверху вниз с выражением полнейшего безразличия на лице.

– Спасибо, – выдавливаю я.

– Иди, пока не передумал. И постарайся, чтобы я не пожалел о своем решении.

Повторного приглашения не жду. Разворачиваюсь и захожу внутрь.

Туалет оказывается меньше, чем казался с порога, и походит скорее на каморку с унитазом, раковиной и испачканным

зеркалом. Теснота такая, что стоит раскинуть руки в стороны и можно коснуться обеих стен сразу. Но сильнее них давит – он. Портер стоит в дверном проеме, загораживая его полностью, как великан, запертый в кукольном домике.

Опуская пальцы на дверную ручку, смотрит на меня исподлобья.

– Я буду снаружи. Не вздумай пытаться бежать.

Я закатываю глаза, хватаюсь за дверь и, с силой захлопнув ее прямо перед его носом, закрываюсь на щеколду, пока Портер не передумал.

– Пять минут! – доносится снаружи.

Потянувшись к крану, чтобы включить воду, прижимаю руки к груди и неосознанно передергиваю плечами. Раковина выглядит так, будто от нее можно что-то подхватить. Фаянс в желтых разводах, вокруг слива – рыжая кайма, а сам кран покрыт известковым налетом, толстым, как кора. Стоит только подумать, сколько микробов живет в ней, становится тошно.

Морщусь, но воду все же включаю.

Цифра снова вспыхивает в голове. *Сто тысяч.*

Яне доживу до суда.

К горлу подкрадывается паника, и ноги в коленях дрожат, а я стою перед зеркалом и сверлю себя взглядом. Волосы, растрепавшиеся от бесконечных часов в дороге, собраны в небрежный хвост. Кожа на лице блестит. Круги под глазами уже не так заметны, как в первый день. Припухшие ве-

ки пришли в норму. Я выгляжу нормально для человека, которого вот-вот убьют. Чертовски нормально, если не смотреть в глаза. В них голая, неприкрытая паника, растекшаяся тьмой по радужке. Грудная клетка неровно вздымается, и я чувствую – еще немного, и задохнусь.

Плеснуть воды. Надо остудить кожу.

Сую руки под кран и смачиваю лицо. Капли стекают по щекам, по шее, затекают в вырез футболки.

Думай, Ричардс.

Я должна что-то предпринять пока не поздно. Пока мы не въехали в Нью-Йорк, и он не передал меня тем, кто ждет его с конвертом в руках.

Но Портер за дверью, а в этой камерке нет окна. Даже гробанной форточки!

Судорожно озираюсь и сама себе напоминаю жалкую крысу, зажатую между грязной раковиной, унитазом и мусорным ведром. Взгляд мечется по стенам, пока не утыкается в старую пластиковую решетку под самым потолком. За ней – темнота. И, может быть, свобода.

На размышления и страх времени нет.

Пальцы дрожат, когда я отматываю почти весь рулон туалетной бумаги и кидаю его на крышку унитаза. Колени трясутся, но я всё равно забираюсь наверх, ловя равновесие. Стараюсь ни к чему здесь не прикасаться – мало ли, кто здесь был до меня. Решетка оказывается на уровне глаз. Передергиваю плечами и пытаюсь подцепить её кончиком ног-

тя – бесполезно. Сидит намертво привинченная саморезами в стену.

Ее можно бы открутить, да только нечем.

В панике забывая о брезгливости, хватаюсь пальцами за пластиковые перекладки. Тяну. Пытаюсь хотя бы расшатать...

– Да чтоб тебя, – шепчу сквозь сжатые зубы.

Нужно что-то, чем можно отвинтить саморезы или поддеть решётку.

Руки сами лезут в карманы. Пусто. Нервно шарю по джинсам. Какая глупость! Портер в первый же день забрал всё, чем можно открыть наручники или навредить ему.

Жгучая злость обжигает лёгкие, и на секунду я перестаю дышать, чувствуя, как наваливается вся беспомощность мира разом. Без отвёртки ничего не выйдет. Неловко оборачиваюсь в поисках хоть чего-нибудь, что может помочь, и нога соскальзывает с пластиковой крышки унитаза. Я едва успеваю схватиться за железную трубу и чуть не вскрикиваю, угодив пальцами в пропитанную пылью паутину.

Возьми себя в руки, Ричардс.

Взгляд снова шарит вокруг, но ему не за что зацепиться. Неужели никто не удосужился уронить хотя бы чёртову скрепку? Или заколку? Хоть что-то, металлическое и достаточно плоское...

Ничего.

Рядом с унитазом стоит почти пустое пластиковое мусор-

ное ведро, серое от въевшейся грязи.

Даже не думай, Ричардс...

Из него торчит край огромного баллона от лака для волос. На дне – несколько комков использованной туалетной бумаги, волосы и... Я медленно подхожу ближе, чтобы рассмотреть.

Короткая пилка для ногтей.

Идеально.

Но...

Не могу. Не могу заставить себя сунуть туда руку. Это уже слишком.

Копаться в мусорном ведре придорожного туалета, чтобы найти что-то, чем можно отвинтить проклятую решётку... Это переходит все границы. Даже сейчас.

Отворачиваюсь от ведра и снова смотрю наверх.

Встаю на крышку унитаза. Та жалобно скрипит, но мне плевать. Тянусь к вентиляции в надежде, что удастся сломать старый пластик руками, и вдруг понимаю: это не спасение. Почему-то я решила, что за решёткой меня ждёт широкий короб, по которому можно проползти. Как в кино.

Но это не та вентиляция.

Это просто дыра в стене с решёткой, за которой крутятся чёрные лопасти вентилятора.

Всё бесполезно.

Сползаю с унитаза. Ноги подкашиваются, и я почти сажусь на него, но вовремя останавливаюсь, вспоминая о ги-

гиене.

Господи. Я в туалете захудалой заправки посреди огромного ничего. Шарю глазами по полу в поисках хоть какого-нибудь мусора. Готова лезть в вентиляцию, в которую не поместится даже кошка.

Что со мной?

Отчаяние подкатывает тошнотворной волной.

Стоп.

Оглядываю стены, дверь, угол, где сходятся две панели.

Это же пристройка! Не капитальное помещение! На такие я насмотрелась за последние три дня – дешевые бытовки, прилепленные сбоку к основному зданию. Стены из обычной фанеры, выкрашенной дешевой краской.

Если суметь ее отодрать... Если найти слабое место...

Я делаю шаг к стене. Провожу пальцами по шероховатой краске.

Резкий, требовательный стук в дверь вырывается в мысли.

– Минута, Бэмби.

Пять минут, любезно предоставленные Портером, почти истекли.

В углу, там, где сходятся две стены, тянется узкая щель толщиной с волос. Если бы было чем поддеть край, расшатать гвозди... Если бы было время.

Нет ни того, ни другого.

Взгляд снова падает на мусорное ведро.

– Заканчивай, Бэмби.

От его голоса вздрагиваю, как от удара хлыста.

– Минуту! – отвечаю удивительно ровно.

– У тебя было достаточно времени.

Сжимаю зубы так, что скулы сводит. Снова вцепляюсь в фанеру, пытаюсь отодрать её, но и здесь без инструмента не справиться.

– Открывай, – Портер снова стучит, громче и злее.

Смотрю на дверь. Потом на ведро. Делаю шаг, заглядываю внутрь.

Бумага. Ещё бумага. Пустая пачка «Мальборо». Пилка для ногтей. Флакон из-под лака для волос.

Нет, Ричардс. Ты этого не сделаешь.

Но пилку можно использовать. Не здесь. Не сейчас. Позже. Острым концом можно поддеть замок наручников. Я видела в фильмах. Это возможно. Если надавить в нужном месте, пружина поддастся.

В идеале – добраться до своих вещей. Моя сумочка в багажнике. Там нормальная пилочка, заколки, маникюрные ножницы. Всё, что нужно. Но это нереально. Портер держит багажник под замком, ключи у него в кармане.

Но на заправках... Я оглядываюсь на дверь, за которой стоит Портер. В таких магазинчиках у кассы всегда продается всякая ерунда: жвачка, батарейки, штопоры для вина, маленькие маникюрные наборы за доллар.

Стук. Портер молотит по двери так, будто собирается её выломать.

– Бэмби!

А вдруг другого шанса не будет?

Что, если Портер не оставит меня одну? Если у кассы будет стоять вплотную? Если это ведро – единственное, что сейчас отделяет меня от смерти в каком-нибудь подвале в Нью-Йорке?

Как же низко я пала.

Сама мысль – копаться в мусоре – вызывает спазм в желудке. Я больше не Сабрина Ричардс, студентка Колумбийского университета, девушка, которой прочили блестящую карьеру в расследовательской журналистике. Я – крыса, которая готова залезть в отходы за огрызком надежды.

Прикусываю губу так сильно, что во рту появляется металлический привкус крови.

– Не заставляй меня ломать дверь, Бэмби.

Низкий голос режет ножом по барабанным перепонкам. В нем нет угрозы. Только скука и уверенность, что он действительно это сделает – вынесет дверь плечом и защелкнет наручники у меня на запястьях.

Хватаю рулон туалетной бумаги. Отматываю пока не получается приличный слой, которого достаточно, чтобы защитить руку от пальцев до запястья. Задерживаю дыхание. Сую руку в ведро и шарю вслепую, пока не натыкаюсь на твердый металл. Сжимаю и выдергиваю.

Смотрю на пилочку, зажатую в моей руке. К горлу подкапывает кислая рвота. Я сглатываю, дышу тяжело, рвано.

– Раз.

Сую пилочку в кроссовок.

– Два.

Смахиваю бумагу с крышки унитаза в мусорное ведро. Нажимаю на слив.

– Три.

Открываю дверь. Портер стоит на пороге, хмурый, сжавший челюсти, готовый рвать и метать. Встречаюсь с ним взглядом на секунду и не выдерживаю первой. Отворачиваюсь к раковине, пускаю обжигающе горячую воду. Сую под струю трясущиеся руки, не замечая кипятка.

– Почему так долго?

Внутри все сжимается от стальных ноток в голосе Портера. Он стоит в дверях, перекрывая выход. Смотрю на свои покрасневшие руки.

– Как будто так легко... – слова застревают. – Когда ты стоишь под дверью.

В зеркале вижу немой вопрос, застывший на его лице, будто он не понимает, почему мне может быть некомфортно, когда он стоит в двух метрах от меня и слушает каждый звук. Из легких вырывается возмущенный выдох. В зеркале встречаю его недоумевающий взгляд.

– Мне не комфортно, Портер!

Он хмурится, а потом усмехается и смотрит на меня, как на несмышленного щенка, который скулит без причины.

– Не загоняйся, Бэмби. Ты всего лишь груз. Мне плевать

на то, что делает груз.

Груз. Всего лишь груз.

Он переводит взгляд на мои руки, красные, распухшие пальцы, которые я все еще тру под слишком горячей струей.

– Если только он не пытается себя покалечить.

Портер заходит внутрь, и уборная становится совсем крошечной. Я чувствую за спиной его тепло. Его рука тянется мимо меня, перекрывает кран. Вода с шипением затихает. Наступает тишина, в которой слышны только капли, падающие в раковину. Кап. Кап. Кап.

– Могла бы попросить антисептик, – говорит он.

Его твердая грудь упирается мне в лопатки. Близко. Слишком близко. Жар его тела прожигает тонкую футболку, оставляя на коже невидимые ожоги.

Я застываю. Даже дышать перестаю.

Он тянется мимо меня, к бумажным полотенцам на стене. Загорелая рука с выступающими венами оказывается в сантиметре от моего лица. Я вижу каждую линию на коже. Аромат корицы и дерева ласкает ноздри.

Он отрывает полотенце.

Я не сопротивляюсь. Не могу. Пальцы у него жесткие, горячие. Он бережно промакивает воду, хотя я знаю, какими тяжелыми могут быть эти руки. Мои ладони тонут в его. Красные, распухшие от кипятка, они кажутся такими маленькими по сравнению с его. Движения слишком медленные. В них нет необходимости – мог бы просто бросить по-

лотенце, но он аккуратно вытирает мне руки.

Зачем?

В груди тяжелеет.

Он комкает полотенце и выбрасывает его в то самое мусорное ведро, в котором я только что копалась. Сердце оста-навливается. Через зеркало наблюдаю, как бумажный комок падает на дно, приземляясь прямо на то место, где лежала пилочка для ногтей.

Он ничего не заметил, но я успеваю умереть трижды, пока полотенце падает.

Достает наручники и привычными движениями защелки-вает браслеты, но сейчас каждое прикосновение пальцев к моей коже кажется почти интимным.

– Пошли, – говорит он.

Я поворачиваюсь. Мы стоим лицом к лицу. Его бездонные зелёные глаза смотрят на меня сверху вниз. В них ничего не прочитать.

– Идем? – спрашиваю я.

Портер кивает.

Глава 14. Хорошая попытка

Глава 14

Хорошая попытка

Сабрина Ричардс

Из ванной доносится шум воды.

Я сижу на кровати, вцепившись пальцами в стеганное хлопковое покрывало, и вслушиваюсь в каждый всплеск. Взгляд блуждает вокруг. Этот номер отличается от тех, в которых мы с Портером останавливались раньше.

Не воняет. Вообще. Представляете? Придорожный мотель, в котором непахнет спертым воздухом и сигаретами. Ноздри приятно щекочет аромат кондиционера для белья, свежесваренного кофе из холла и – о боже! – чистота. Пол покрыт настоящим ковролином, а не линолеумом, который помнит высадку в Нормандии. На стене висит безвкусная, но новая картинка с лавандовыми полями.

Я смотрю на все это великолепие и чувствую себя комфортно.

Обычный, нормальный, приличный мотель, в котором в другой жизни я остановилась бы без содрогания. Зашла бы, довольно выдохнула, бросила сумку на кровать и полезла в душ, не оборачиваясь в поисках полчищ тараканов. В другой ситуации даже похвалила бы выбор Портера.

Но я не в другой ситуации. Я прикована к кровати, и плевать, что сейчас моя тюрьма – рай придорожного сервиса.

Поборов желание вытянуться на удобной кровати, мыслями возвращаюсь к пилке в кроссовке. Она жжет ногу, напоминая о себе, и будто шепчет: «Не смей расслабляться, Ричардс. Я – твоё единственное спасение. Действуй».

Взгляд останавливается за окном. Темные силуэты гор Уосатч уходят в чёрное небо, где звезды висят так низко, что кажется – рукой подать. Вдох. Выдох. Пульс стучит в висках так громко

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.